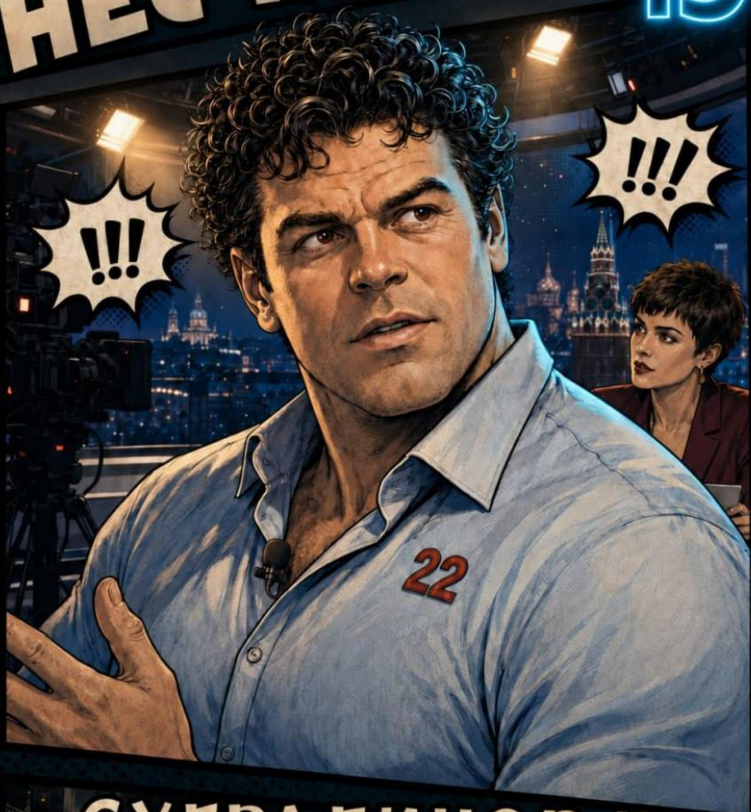

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 13

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов
Фонд А.
Двадцать два
несчастья. Книга 13

<https://litres.ru/74692542>

SelfPub; 2026

Аннотация

Итак, новогодняя божественная рапсодия в моркинском санатории близится к концу. Работа налажена, приятели устроены, враги посрамлены и наказаны.

Теперь Сергея снова ждет Москва, а вот там еще куча проблем, которые нужно срочно решать: расквитаться с Лысоткиным и Михайленко, разобраться с Ириной и наследством. А главное — допросить таинственного актера, который, переодевшись покойным академиком Епиходовым, рассказывал нотариусу анекдоты.

А тут еще Таисия Милославская со своим шоу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	74
Глава 6	92
Глава 7	109
Глава 8	128
Интерлюдия 1. Сергей Ачиков	143
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Двадцать два несчастья. Книга 13

Глава 1

— О как! — Я чуть не схватился за голову. Ну и новости!

Нет, я, конечно, помнил по рассказам Наиля и тети Нины, что после Нового года сюда собирается приехать Диана Шарипова, операционная сестра хирургического отделения Казанской городской больницы, с которой у меня когда-то зарождались отношения. Вот только потом она пошла в гости к моему недоброжелателю Рамилю Зарипову... Но чтобы прям сегодня? Сейчас?

Признаться, я был в замешательстве.

Затем, слегка переварив такую новость, посмотрел на всю шеренгу дамочек, которые с проницательным видом рассматривали меня, чутко отслеживая малейшую эмоцию.

Лицо я на всякий случай сделал кирпичом.

Передо мной выстроилась вся моя личная служба безопасности: тетя Нина, Алена Петровна, Тайра Терентьевна и добровольно присоединившиеся к ним, пусть и временно, Вера Андреевна, Танюха и Элен. И все они умирали от любопытства.

— И где она? — спросил я. — Вы ее на этом этаже засе-

лили?

— Да она же только приехала, из Морков позвонила, чтобы ее встретили.

— Угу, — задумчиво сказал я. — И кого вы послали встречать?

— Прохора Евграфовича, — с готовностью доложила тетя Нина, которая считала себя здесь главной.

— Почему его? — удивился я. — Что, Наиль нельзя было отправить?

— Наиль с Япаром уехали куда-то еще часа два назад, — снова ответила тетя Нина, — до сих пор так и не вернулись. И даже не сказали куда. Я спрашивала, но Япар отмахнулся, вы же сами знаете, какой он.

Она неодобрительно поджала губы. Да, Япар имел свое собственное мнение по каждому поводу, особенно насчет таких, как тетя Нина, Алена Петровна, Тайра Терентьевна, Вера Андреевна, Танюха и Элен. И даже Ева. Жаловал он женщин лишь до определенных пределов. Тетя Нина боролась с ним по-всякому: от прямых стычек до совсем уж партизанских методов, — а когда не получалось, в ход шел подкуп в виде пирогов и булочек и даже шантаж (Япар, как оказалось, очень любил вареники с картошкой и мясом, и тетя Нина пыталась приручить его хоть так), — но все было тщетно. Поэтому я не удивился.

— А давно Прохор Евграфович за ней уехал?

— Да вот буквально минут пять назад, — пожала плечами

Элен.

— Ну хорошо, время у нас еще есть.

— Что, душа трепещет? — хитро прищурилась тетя Нина, помнившая наши с Дианой отношения по казанской больнице номер девять.

— Да нет, все нормально.

Я не успел до конца ответить, как тетя Нина ехидно сказала:

— Вот сейчас начнется.

— Что начнется?

— Да как вспомню, что Дианка вытворяла и как... это... вы разошлись. Думаю, Джимми, она сюда неспроста приехала. Как там народная мудрость гласит: «все равно Диану брошу, потому что я хороший», да?

Я с демонстративно равнодушным видом пожал плечами, а потом сказал, глядя в упор на дам:

— Как бы там ни было, из санатория я скоро уеду. У меня аспирантура, Москва, дела, а здесь ничего не держит. И что бы Диана себе ни нафантазировала, между нами все конечно, причем давно. А она, какой бы у нее ни был характер, первоклассная операционная сестра. Если уж решила променять Казань на Морки, такого специалиста надо держать обеими руками — и в санатории, и в больнице. Здесь она не пропадет. А женихов у нас хватает, взять хоть того же Япара, — улыбнулся я.

— Да нет, гусь и... гагарочка — это хреновая парочка, так

что не получится, — хмыкнула тетя Нина. — Вот стала бы она Дианой Епиходовой — совсем другое дело.

— В общем, я у себя, — отрезал я, потому что от их подозрений у меня вконец испортилось настроение. — Диана приедет — накормить, напоить, разместить на проживание. Показать санаторий, развлекать. Я поработаю. Самарцев появится — пусть срочно дует ко мне. И когда Терновский вернется — передайте ему тоже. Меня не отвлекать, если ничего серьезного. Серьезное — это цунами, пожар или землетрясение. Остальное подождет. Мне нужно срочно сделать для Райки лекарство.

Дамы заахали, но я уже их не слушал и отправился к себе.

Разложив на столе справочники по аналитической химии и фармакологии, я придвинул к себе пузырек с остатками порошка — того самого, что завтра к вечеру предстояло дать Райке, — и всмотрелся в него, представив в голове Райку Богачеву.

Сработает?

Талант «Природа веществ», добравшийся до второго уровня, теперь считывал не только природу вещества, но и дозу под конкретного человека.

Над пузырьком развернулась плашка. Сработало!

«Вазорелаксин-Икс»: расчет индивидуальной дозы.

Объект: масса тела 52 кг, сниженный печеночный клиренс, биологический возраст 52 года, длительный алкогольный анамнез.

Безопасная курсовая доза: до 350 мг.

Верхний разовый предел: 120 мг; сверх него вероятны гепатотоксическая и вазомоторная реакции.

Дробление курса и график наблюдения — вне текущего уровня таланта.

Я переписал цифры на чистый лист. Предел Система обозначила, а вот как размазать его по дням, чтобы непроверенный препарат не подкосил живого человека, одной арифметикой не решить. Тут нужна была вторая голова, причем толковая; и я рассчитывал на Самарцева.

Только-только я закончил, как кто-то поскребся в дверь. — Открыто! — сдерживая недовольство, крикнул я, потому что новые двери прилегали плотно и слышимость была плохая.

В комнату вошел Елисей. Вид у него был одновременно торжественный и таинственный. Не успел я удивиться, как он придержал створку, и за его спиной показалась... Венера.

— Что случилось? — спросил я Елисея и приветливо кивнул девушке. — Ну, присаживайтесь, раз пришли. Только у меня времени мало, так что учитывайте.

Я махнул рукой на кровать, потому что в комнате стоял пока один-единственный стул, занятый мной самим. Елисей и Венера сели рядышком, и, к моему удивлению, Венера взяла его за руку.

— О как! — во второй раз за последние пару минут удивленно сказал я. Нет, я, конечно, видел, что у них появи-

лась симпатия, но что все развивается так быстро — даже не предполагал.

Венера смущенно улыбнулась, а вот Елисей вспыхнул до самых корней волос.

— О чем же вы хотели поговорить? — спросил я и, видя, что Елисей мнетя, решил чуть помочь: — Ну как тебе тут?

— Замечательно! — чуть заикаясь, ответил он, и глаза его пылали энтузиазмом.

— Не жалеешь, что приехал? — спросил я, зная ответ, но мне хотелось услышать это от него самого.

— Да ты что?! Ты что?! — воскликнул он, чуть не подпрыгивая на кровати. — Ты понимаешь, я же думал, что у меня уже все, что жизнь закончена и впереди ничего нет, а здесь, оказывается, столько всего интересного! Один только дом престарелых чего стоит!

Глаза его подернулись поволокой, и он, мотнув головой, сказал:

— А ты видел, как они вокруг меня кружили, когда объявили елочкой? Какие у них были лица!

Он задумался, замечтался, и я понял, что та сцена произвела на бывшего аспиранта огромное впечатление.

Повисла пауза.

— Сережа, — вдруг прервал молчание Елисей, — во-первых, я хотел тебя поблагодарить. А во-вторых, ты говорил, что хочешь, чтобы я работал в райбольнице. Праздники закончатся — и мне надо будет идти устраиваться. Правильно?

— Правильно, — кивнул я. — Только не помню, чтобы говорил тебе про сроки.

Елисей и Венера переглянулись. Она кивнула, и Ротонос вздохнул:

— Ты вскользь упоминал, но подробнее мне объяснила Александра Ивановна, — сказал он.

— Ага, понятно. И что не так?

— Все так, но...

Он опять замялся, посмотрел на Венеру, которая снова ободряюще ему кивнула.

— В общем, слушай... А можно ли попросить тебя или Бориса Альбертовича... — Он опять густо покраснел. — Я знаю, что это неудобно. Знаю, что и Мария Сергеевна берет меня к себе соискателем, и я уже и так им должен, и тебе должен, но... вот, спросить только...

— Да спрашивай уже! — не выдержал я. — Что ты, как испуганная пятиклассница, ходишь вокруг да около, говори уже!

Елисей опять посмотрел на Венеру, и она тепло ему улыбнулась.

— Ну, это... — Он запнулся и окончательно умолк.

— Сергей Николаевич, — сказала Венера, решив, видимо, взять бразды правления в свои руки, раз от Елисея толку мало, — мы так подумали, что Елисей мог бы работать в доме престарелых.

Она немного помолчала и твердо, решительно добавила:

— И я тоже. Нет, амбулаторию в Чукше мы бросать не будем. К тому же сейчас заканчивает курсы Райка, через неделю у нее экзамен, и она будет там постоянно работать санитаркой. Но вот очень бы хотелось остаться работать в доме престарелых. Помогите нам, пожалуйста, туда устроиться. Мы знаем, что вы все можете!

— Ничего себе заявочки, — удивился я. — А как же Ротозеев? Вдруг он вас не возьмет?

— Может, там есть хоть какое-то место, хотя бы санитаря, — вздохнул Елисей. А Венера кивнула:

— Я тоже готова идти хоть санитаркой, хоть уборщицей. Знаю, что зарплаты там маленькие, но мы все равно туда хотим...

И тут у меня в голове созрел план. Ротозеева менять надо — это давно решено. А что, если на его место поставить Елисея? Хозяйственник из него, мягко говоря, никакой — как и из всех идеалистов его склада. Зато рядом будет Венера, она в Чукше одна тянула всю амбулаторию: и закупки препаратов, и оборудование, и отчетность. С такой хозяйкой за дом престарелых можно не тревожиться. Оставалось придумать, как все это проверить.

— А почему же ты в больницу не хочешь? — на всякий случай спросил я.

— Да я хочу и в больницу, может, даже на полставки потом устроюсь, но там же хирургов и так полно, — пояснил Елисей.

— Полно-то полно, а операцию сделать некому, — сказал я.

— Я это понимаю. — Елисей нахмурился и немного нервно потеревил край пиджака. — Но вот понимаешь, Серега... когда мы тогда там были... на Новый год... и такое на меня все это произвело впечатление, что я вдруг понял: раз судьба дала мне шанс, вторую жизнь, и я сюда приехал, — значит, неспроста! И теперь моя миссия — помочь этим старикам. Потому что больше им никто не поможет.

Венера согласно кивнула.

Я пораженно охнул. Что Елисей — возвышенный идеалист, понятно и ежу. Но чтобы вот так, ради стариков поставить крест на собственной карьере, на будущем, — это меня и шокировало, и порадовало разом. Значит, не все еще в этой жизни потеряно.

— Хорошо, Елисей, — решительно сказал я. — Я и сам думал, что Ротозеева пора убирать. Поговорю с Юрием Дмитриевичем, главой местной администрации, — попробуем решить этот вопрос на месте. Думаю, и Александра Ивановна будет не против, что-нибудь дельное подскажет. Да и Наиль тут, если что. Только вот, конечно, я расстроен, надеялся, что главврачом станешь ты.

— А почему бы самой Александре Ивановне не вернуться? — пожал плечами Елисей и посмотрел на девушку. — Венерочка говорила, что она была хорошим руководителем. Строгим, но хорошим.

«О как! — в третий раз за эти полчаса подумал я. — Уже и Венерочка. И когда они только успели?»

И я чуть не хлопнул себя ладонью по лбу. А ведь Елисей прав! До пенсии Сашуле еще далеко, а что уходила когда-то — так мало ли что бывает. Пусть возвращается и руководит больницей: до обеда отрабатывает там, а к вечеру или по выходным заглядывает сюда, в санаторий, — заодно и на свои процедуры. И дело в надежных руках, и человек на месте.

Я глубоко задумался, и ребята, видя это, потихоньку, бочком-бочком выбрались из комнаты, оставив меня одного.

Но тут снова постучали. Не успел я рассердиться, как в дверь заглянул Самарцев:

— Вы просили зайти, Сергей Николаевич, — сказал он.

— Вовремя, Николай Борисович, — обрадовался я. — Очень нужна ваша помощь.

Я кивнул на раскрытые справочники и листы:

— Пытаюсь пересчитать дозу «Вазорелаксина-икс» для Райки. Препарат непроверенный, пациент живой — тут нужен ваш аналитический ум и опыт.

— Ну, тогда чего тянуть, давайте приступим, — сказал Самарцев, сразу подошел к столу и начал просматривать мои записи. — Так, первый вопрос: какой у нее вес?

Вспомнив цифру из системной таблички, я ответил:

— Пятьдесят два килограмма.

— Так, дальше... Какова концентрация активного вещества «Вазорелаксина»?

Я подумал и написал.

— Так. Значит, если прикинуть... эм-м-м... давайте рассчитаем разовую. Хотя лучше, наверное, суточную? Кстати, у нас будет разовая или суточная доза?

— Смотрите, Николай Борисович, — начал рассуждать я. — Те трое: Ерофей, Колян и Федька — сожрали большую порцию порошка разом, без всякой дозы, и получили тяжелую побочку. Райке я предлагаю иначе: давать малыми порциями в течение суток.

Самарцев задумался, потом посмотрел на меня и сказал:

— А я предлагаю так: первые сутки — четыре приема, а через сутки еще добавим. По моим расчетам, суммарно выходит примерно триста — триста пятьдесят миллиграммов, — задумчиво проговорил он, разглядывая формулу. — Доза должна быть такая.

Триста — триста пятьдесят. Ровно столько, сколько полчаса назад высветила мне Система. Я невольно проникся к Самарцеву уважением: он вышел на нее голым расчетом, без всякой подсказки, — и на душе у меня сразу стало спокойнее.

Самарцев сел на уступленный мной стул и быстро, красиво расписал учет суточного лимита:

— Причем я предлагаю сначала ввести немного, процентов тридцать, в обед сделать максимальную дозу, а вечером — оставшиеся проценты. Как вам такое, Сергей Николаевич? Мне кажется, так на почки придется самое малое дав-

ление. — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Знаете, коллега, — сказал я, заглядывая в его записи, и задумчиво почесал затылок, — я бы на вечер оставил еще меньше, процентов десять, а то и пять. Потому что, сами понимаете...

Договорить я не успел: дверь открылась без стука, и вошел Терновский, хмурый и недобрый.

— Чем это вы здесь занимаетесь?! — рявкнул он, увидев, как мы с Самарцевым выписываем формулы.

— Да вот, рассчитываем «Вазорелаксин» для Райки, — начал объяснять я, но был бесцеремонно перебит:

— Мне уже ваша тетя Нина доложила, — поджал губы Терновский. — Епиходов! — выверился он, глядя на меня свирепо. — Ты что творишь? Ты что себе позволяешь?

— А что? — не понял я.

— У тебя три человека чуть на тот свет не отправились, а ты решил еще и бабу следом спровадить?! Тебе повезло, что они алкашня и реакции у них сбиты. А если бы они умерли — что бы ты делал? Что бы мы все делали? Ты понимаешь, что на твоём будущем стоял бы крест? Про людские жизни я уже молчу.

— Погодите, Борис Альбертович, — возмущенно вскинулся я. — У этого «Вазорелаксина» обнаружилась побочка: те трое после него совсем перестали пить. А у Райки выбор простой. Либо она пробует препарат, либо срывается — и за пару недель превращается в овощ. Сначала белая горячка, а

дальше вы и сами знаете. Вы же видели ее состояние.

Терновский медленно кивнул. Тут ему крыть было нечем.

— Она может избавиться от тяги совсем. Вы вообще представляете, каково это — каждую ночь привязывать руку ремнем к батарее, лишь бы не пойти за бутылкой? — сказал я и, глядя в ошарашенные глаза Терновского, безжалостно добавил: — Сегодня ночью Александра Ивановна по ее же просьбе заперла Райку в холодной комнате, потому что иначе та сорвалась бы и ушла искать спиртное. Сколько она еще так продержится, как вы думаете? А ведь она хочет стать нормальной матерью, забрать ребенка, учиться на курсах санитарок, пытается жить по-человечески. Она прекрасно знает, чем рискует. Но другого выхода у нее нет.

— Дозу мы с Николаем Борисовичем ставим минимальную. И потом, Ерофей, Колян и Федька, когда нажрались порошка, были пьяны в дым, да и пили до того не один день. А Райка почти месяц капли в рот не берет — здесь и эффект будет совсем другой.

И, не дав Терновскому возразить, я тут же добавил:

— И в конце концов, это же прекрасный материал для изучения! Вы сами понимаете: если удастся доказать, что «Вазорелаксин» дает побочку в виде отвращения к спиртному, — это будет мировая сенсация. Прорыв.

— Да, — проворчал Терновский, сдаваясь под напором моих аргументов, — патентовать надо. А ну-ка, покажите расчеты.

Глаза у него загорелись энтузиазмом, и он тут же отбросил вякающую совесть, нашептывавшую, что для Райки это может быть опасно.

— Знаете что, — сказал он возбужденно, — вот это вы написали правильно. Но вы что, за один день ее вылечить хотите? Нет, давайте иначе. Выделим два-три дня, лучше три, и разобьем эти дозы на еще более мелкие — чтобы отслеживать реакцию организма на «Вазорелаксин». И чтобы она не загнулась.

Самарцев обрадованно хекнул, а Терновский продолжил, горя энтузиазмом:

— Причем в первый день я предлагаю дать ей буквально десять процентов от общей дозы.

— Но он же не подействует! — возразил Самарцев. — Сколько там того действующего вещества!

— Абсолютно правильно! Не подействует, но зато запустит определенные реакции, — с важным видом пояснил Терновский, и я порадовался, что мой ученик такой толковый. — Вы будете наблюдать, точнее, ты будешь наблюдать. — Он ткнул в меня корявым пальцем и недовольно поджал губы. — И увидите, нет ли побочных, нет ли рисков, чтобы она не окочурилась. Если все пойдет нормально — на следующий день дозу увеличите, но не более чем вдвое.

— Так это мы с ней до морковкина заговенья тут просидим, — возмутился Николай Борисович.

— Если надо — просидите. А кормить человека непрове-

ренным препаратом, который не прошел комиссию, — это, ребяташки, понимаете, статья.

Мы понимали. И все равно Райке хотелось помочь. Стоило вспомнить ее молящие глаза и слезы, так прямо за душу брало.

— Так что давайте займемся расчетами. Вот как я предлагаю сделать. — И Терновский, согнав Самарцева со стула, как тот до этого меня, уселся за стол и принялся самолично выписывать формулы. А мы с Самарцевым, как два примерных пятиклассника, стоя у него за спиной, подсказывали, что за чем. И так увлеклись, что час пролетел незаметно.

Когда закончили, Терновский с Самарцевым, обсуждая дозировку, ушли в столовую. Я же вышел в коридор — надо было срочно найти Райку и уточнить, нет ли у нее аллергии.

Но не успел я пройти и пары шагов, как меня поймали.

— Сережа-а-а-а! — радостно закричала Диана. — А вот и я! Ты рад меня видеть?

Она была чудо как хороша: в новом костюме, с новой прической — коротким каре, которое ей необычайно шло.

— Эм-м-м... очень рад, — ответил я, и возникла пауза.

Понятия не имел, что говорить дальше. Расстались мы с ней, мягко говоря, не друзьями. Но тут, к моей радости, из бокового коридора донесся возглас:

— Сергей Николаевич! — Ко мне бежала Александра Ивановна, и вид у нее был донельзя смущенный и взволнованный. — Простите, я же совсем забыла вам передать:

в актовом зале собрались пациенты из «Клуба здоровья»!
Все начнется через пять минут! Давайте поторопимся, ждут
только вас!

Глава 2

Я готов был расцеловать Александру Ивановну за такое спасение, потому что ни сил, ни желания выяснять отношения с Дианой у меня не было. «Клуб здоровья», перерасчет Райкиной дозы или хоть внеплановая проверка из Росздравнадзора — сгодились бы что угодно, лишь бы не стоять посреди коридора под сияющим взглядом Дианы, натужно подбирая слова.

Я торопливо покивал: мол, иду, иду — и, извинившись и оставив за спиной Диану, торопливо зашагал за Александрой Ивановной в актовый зал санатория.

В общем, подумать о том, что еще за, черт подери, внеплановое собрание «Клуба здоровья», да еще и в актовом зале второго января, я не успел. А стоило. Потому что в прошлый раз это отняло у меня почти весь день, пациенты шли косяком, один за другим. А тут вдруг актовый зал.

— Александра Ивановна, погодите-ка... — осторожно проговорил я, притормозив. — А что, собственно говоря, происходит?

Она тоже остановилась и покраснела:

— Так вы же сами...

— Что я сам? — неприятно удивился я, а оттого, что за нами увязалась Диана, разозлился еще больше. — Можете конкретнее?

— После первого «Клуба здоровья» вы сказали, что в следующий раз лучше бы собрать всех скопом, а то на одни и те же вопросы отвечать приходится по сто раз.

— Это я так сказал? — упавшим голосом сказал я.

— Да, да, вы! — закивала Сашуля. — А тут еще слух прошел, что Ероха, Колян и Федька от алкоголизма излечились благодаря вам, так что все начали на меня давить, чтобы поскорее следующий «Клуб здоровья» провести. Ну, я и подумала, что на праздники самое лучшее время, как раз все свободны.

Я вспомнил, как какой-то моркинец поймал меня у забора санатория и долго расспрашивал о давлении, а какой-то незнакомый дедок прямо посреди улицы завел обстоятельный разговор о своей грыже.

— Это ты ловко придумал, Джимми, — ворчливо одобрила проходившая мимо тетя Нина, как обычно, приписавшая все заслуги только мне. — А то ходют и ходют, скоро тропу к воротам протопчут. А так один раз отстреляешься, и пусть ждут следующего заседания.

— Вот и я так говорю! — обрадовалась Сашуля, нетерпеливо притопывая. — Идемте скорее, Сергей Николаевич, там уже скоро бунтовать начнут.

И я поплелся за ней, уже не так сильно радуясь. Разговор с Дианой занял бы от силы десять минут. А тут... все, считай, день насмарку.

На входе в актовый зал я немного ошалел. Ладно местные,

про моркинское сарафанное радио я уже знал не понаслышке, но там еще и наши все собрались почти в полном составе.

В общем, зал набился так, что даже из столовой пришлось все стулья перенести сюда. Народ рассаживался основательно: распаренные с мороза моркинцы, шапки на коленях, и каждый второй, усевшись, первым делом оглядывался, изучая, кто еще пришел.

Сашуля устроилась сбоку от меня за столиком, Самарцев занял место в первом ряду, а ехидно посмеивающийся Борька Терновский пристроился в заднем ряду на Камчатке. У стены, чуть в стороне от всех, села Капитолина Леопольдовна, которой я завтра обещал дать ответ, а пока она, судя по всему, собиралась послушать вживую, чего я стою.

— Здравствуйте! — просто сказал я, выйдя не на сцену, а к первому ряду.

Мое появление вызвало бешеное оживление и крики:

— С Новым годом, Сергей Николаевич!

— ...до сих пор башка раскалывается, что...

— Помогите, доктор...

— Наконец-то!

— Явился не запылится! — гоготнул какой-то забулдыга, но на него зашикали и даже дали подзатыльник.

Пока они перекрикивали друг друга и взволнованно шумели, я продумал, как буду вести это собрание, прошелся по системкам первых рядов и поднял руку.

Когда все стихли, я объявил:

— В общем так. Регламента у нас нет. Поэтому поступим просто. У кого болит, тот и спрашивает. Руку поднимать необязательно, а вот перекрикивать соседа — нежелательно. Годится?

— Годится! — нестройным хором откликнулся зал.

И тут всех перекричал Генка, водитель молоковоза и бывший зять Тайры Терентьевны.

— Николаич, вот скажи мне! — заорал он, приподнявшись и одернув свитер. — Пью я эти таблетки от давления с осени! Честно пью, каждое утро. И давление у меня теперь — хоть в космонавты записывай. Так вот я чего думаю: раз оно хорошее, может, и хватит уже? Чего химию зря жрать и печень садить?

— Гена, а хорошее оно у тебя почему? — спросил я.

— Ну... выровнялось, — моргнув, протянул он.

— Оно выровнялось, потому что таблетка каждое утро его выравнивает, — сказал я. — Бросишь, и оно, скорее всего, снова поползет вверх. А главное, некоторые таблетки резко отменять попросту опасно, так что дозу меняет врач, и не с потолка, а четко по твоим записям.

— Ой, да ладно! — махнул рукой Генка.

— Прохладно! Когда по мосту через реку идешь, ты же не рассуждаешь на середине, мол, раз уже почти перешел реку, значит, дальше можно и без моста обойтись? А?

В зале засмеялись, а Генка почесал затылок, прикидывая, и недоверчиво спросил:

— И что, всю жизнь теперь пить?

— Может, и всю жизнь, ничего страшного в этом нет, — ответил я. — А может, и меньше, потому что, как я уже не раз говорил, медицина развивается семимильными шагами. К примеру, уже ведутся испытания принципиально новых методов лечения гипертонии, и результаты очень обнадеживающие.

— Да на хрена вообще эти таблетки пить, доктор? — выкрикнул кто-то из зала. — Можно же и так понизить.

— Можно, — согласился я. — Само давление без всяких таблеток, если говорить упрощенно, можно снизить, сделав четыре самые главные вещи: сбросив вес, убрав лишнюю соль, потребляя поменьше спиртного и выходя на прогулки каждый день. Сделаешь это, и врач сам тебе дозу уменьшит. Только сделает он это, заметь, Геннадий, по цифрам тонометра, а не потому, что ему так в голову взбрело. Так что, если у тебя его нет, купи тонометр и измеряй утром и вечером, но с умом: сперва посиди спокойно минут пять, потом смеряй два раза подряд и оба числа запиши в тетрадку. С этой тетрадкой через месяц и приходи к доктору. И курить бросайте, мужики, и не ради давления даже, а чтобы вас однажды не свалил инфаркт или инсульт.

— А помнится, говорили вы, что специальным дыханием сбить можно? — крикнули из задних рядов.

— Немного можно. Показать? — Я оглядел зал. — Анатолий, иди-ка сюда.

Анатолий, сидевший рядом с женой Оксаной, заозирался было в надежде, что найдется тезка, но супруга уже подтолкнула его в проход. Сашуля затянула на нем манжету и запустила тонометр.

— Сто пятьдесят два на девяносто четыре, — объявила она.

— Ого, — пробормотал Толян. — Переволновался я.

— Не пугайся, у половины зала сейчас столько же, — сказал я. — Обстановка такая. А теперь давай-ка, Анатолий, дыши вместе со мной. Вдох на четыре счета, выдох на шесть. Выдох длиннее вдоха, это главное. Плечи опусти.

Минуты три весь зал дышал вместе с Толяном, и краем глаза я видел, что присоединился к толпе даже Борька Терновский на своей Камчатке. Потом Сашуля смерила давление Анатолия еще раз.

— Сто сорок на восемьдесят восемь, — сказала она.

Зал охнул, как будто им показали крышесносящий фокус, а я подытожил:

— Как мы все убедились, благодаря простейшему дыхательному упражнению цифры давления Анатолия пошли вниз. Только не обольщайтесь: один повторный замер ничего не доказывает. Половину результата тут дал просто покой — посидел человек, отдышался. В общем, само по себе дыхание не лечит и скорую не заменит. Это лишь способ успокоиться, сесть и по-человечески перемерить давление. Разволновался, подскочило... вот тогда и подыши. А лечит по-

прежнему другое — прежде всего здоровый образ жизни и при необходимости таблетки.

Анатолий вернулся на место притихший и задумчивый. Оксана тут же отобрала у него шапку и зашептала что-то на ухо — судя по выражению лица, это было: «А я тебе говорила!»

— Сергей Николаевич, а у меня голова! — поднялась какая-то женщина, прижимая к груди сумочку.

Я не сразу ее узнал, но, присмотревшись, вспомнил бывшую соседку по дому Анатолия, маму интеллигентного алкоголика Игорька.

— Вот сяду перед телевизором, пару серий посмотрю... и все, полголовы отваливается, — пожаловалась она. — Прямо хоть не смотри.

— Так и есть, — подтвердил Игорек рядом с ней, и немедленно получил от матери сумочкой по колену.

— Мигрень у вас давняя, я помню, Людмила Степановна, — сказал я. — А мигрень включается чаще всего из-за конкретных триггеров, строго индивидуальных. Самые частые причины — это недосып, голод, кофе, когда воды мало пьете и экран без перерыва. Серия, вторая, третья, потом чай с печеньками вместо ужина... вот вам и причина мигрени.

— И что делать? — растерялась Людмила Степановна.

— Для начала заведите тетрадку приступов: заболело — запишите, что было за сутки до того. Спали сколько, ели что. Через месяц-два сами поймете, из-за чего мигрени, опреде-

лите те самые триггеры. А потом просто старайтесь не допускать их.

— Так я же говорю, когда сериалы смотрю...

— В таком случае делайте перерывы между сериями хоть по десять минут. Встаньте, пройдитесь, в окно посмотрите...

— Корову подои! — хохотнул Генка.

— А я цитрамончик пью, — сообщила Людмила Степановна, бросив на Геннадия испепеляющий взгляд.

— Часто? — спросил я.

— Ну... — замялась она, перебирая ремешок сумочки. — Почитай, каждый день.

— Вот это бросайте, — строго сказал я. — Потому что обезболивающее в таком случае само начинает подкармливать головную боль: чем чаще пьешь, тем чаще она приходит. Получается замкнутый круг — болит, потому что пьете таблетки, а пьете, потому что болит. Выбраться из него можно, я вам распишу как.

— Да как же без цитрамончика... — совсем расстроилась Людмила Степановна и села.

А я продолжил:

— И последнее, это уже всем: если голова резко заболит так, будто вот-вот взорвется, или онемееет рука, или речь поплывет, то это уже не цитрамончик вам нужен, а скорая. Причем сразу, без раздумий и мыслей, мол, пережду, авось само пройдет. Может, и пройдет, а может, будет слишком поздно.

Народ посерьезнел, а Сашуля пристально обвела зал тяжелым взглядом, словно хотела сказать: я вас, товарищи, запомнила всех до одного, мотайте на ус, прослежу за каждым!

— А мне, Сергей Николаич, выходит, сладенькое теперь совсем нельзя? — спросила Клавдия, Генкина жена, и показала начатую конфету. — Мне соседка сказала, мол, дура ты, Клавдия, конфеты жрать, потому что после пятидесяти сахар — белая смерть.

— Соседке вашей физкульт-привет, — скептически усмехнулся я, и зал взволнованно зашумел. — Про «совсем нельзя» она, конечно, сгустила краски, но вот что я вам скажу, а вы уж сами решайте. Важно ведь вот что: сколько того сахара, и что вы едите вообще, и в каком порядке. Съешьте конфету на пустой желудок — сахар подскочит высоко. Съешьте ту же конфету после супа и котлеты — подъем будет мягче. А если после обеда прогуляться хотя бы десять минут — мышцы, как губка, втянут этот сахар из крови в себя и потратят на работу.

— Значит, можно сладкое все-таки? — с облегчением спросила Клавдия.

— Кто ж я такой, чтобы вам сладкое запрещать? — улыбнулся я. — Хотите — ешьте. Главное, чтобы сладкое было не вместо еды, а после, и уж точно не на ночь глядя. Но тут признаюсь: сам я стараюсь ничего сладкого не употреблять. Ничего хорошего сахар организму не дает, только вредит.

— А я мороженое люблю, когда тревожусь или нервни-

чаю, — призналась соседка Клавдии.

— А вот от этой привычки лучше избавляться как можно скорее, — посерьезнел я. — Привычка заедать стресс не просто откладывается на боках. Это билет в один конец — к диабету, атеросклерозу, хроническому воспалению... Впрочем, это отдельная тема для разговора, не буду сейчас углубляться.

Следом солидно поднялся Чепайкин.

— У меня вопрос про колени, — торжественным голосом объявил всему залу он, откашлявшись и огладив пиджак. — На лестнице скрипят и стреляют. Помню, я в район ездил, там врач даже анализы не брал, просто сказал: артроз, дед, беречься надо. Я-то, конечно, берегусь: лишний раз не хожу, все больше сижу.

— Ой, бестолочь, — громко сказала тетя Нина, и все рассмеялись. — Забыл, что ли, как Сергей Николаевич тебе говорил, что чем не пользуешься, то и ржавеет?

— Ничего я не забыл, только он не про это говорил, — отмахнулся Чепайкин и резко покраснел.

— И как, помогает вам, что вы больше сидите, Арсений Лукич? — спросил я.

— Хуже стало, — с достоинством признал Чепайкин.

— Потому что хрящ не мышца, — сказал я. — Права Нина Илларионовна, хрящ от покоя не отдыхает, а сохнет. У хряща своих сосудов нет, кормит его движение. Когда сустав работает, выделяется питательная смазка. А если лежать на

диване, хрящ останется голодным.

— А я слышал, беречь колени нужно, — воинственно ска- зал Чепайкин.

— Беречь колено нужно от удара, а не от движения, — ответил я. — Это значит, не прыгать и не бегать по асфальту, не таскать тяжести. А ходить, плавать, кататься на велосипе- де... — Я улыбнулся, увидев, как за задними рядами начали бегать Степка, Андрюшка и Борька Богачев, — Это все рав- но что подпитывать и укреплять колени. И мышцы хорошо качать теми же приседаниями, потому что чем крепче нога вокруг сустава, тем меньше ему самому достается.

— А хренопротекторы... или как там его? — Он обернул- ся на подсказку из зала и послушно повторил под добрые смешки односельчан: — Да я же и говорю, хондропротекто- ры почему бы не пить? — старательно выговаривая мудре- ное слово, спросил Чепайкин. — Мне в аптеке присоветова- ли, второй курс уже допиваю.

— Честно? — переспросил я. — Наука их толком не под- твердила. Кому-то от них легче, спорить не буду, но за те же деньги куда больше толку, если походить к толковому ин- структору по лечебной физкультуре и как следует укрепить ногу. Повторяю! Колено лечит движение и сильная мышца, а не хондропротекторы. И про вес не забываем. Вы знаете, что каждый лишний килограмм сверху давит на колено несколь- кими? Сбросите пять — колени почувствуют, будто вы с них все двадцать сняли.

— Как это? — удивился Чепайкин.

— А вот так, — сказал я. — Когда идете, вы же не просто ставите ногу на землю, нет. Сначала вы наваливаетесь на нее всем телом, потом мышцы вас тормозят, амортизируют... и снова отталкивают от земли. Поэтому каждый лишний килограмм веса давит на колено примерно четыремья.

— Ох ты ж... — удивился Чепайкин и озадаченно почесал затылок. — Это сколько же я на них таскаю?

— Много, Арсений Лукич. Причем это не то что вы разок ногу подняли и поставили, а при каждом шаге. За день таких шагов тысячи набираются, вот и считайте. Пять килограммов сбросили, а коленям будто целый пуд с плеч... то есть с ног.

— Так мне, значит, и ходить надо, и худеть желательно?

— Ага. Только без подвигов. Потому что, если вы завтра с дивана встанете и сразу десять километров пройдете, колени ваши, мягко говоря, охренеют. Начните понемногу. Походили, отдохнули, снова походили. И ноги укрепляйте. Тогда и вес пойдет вниз, и суставам полегче станет.

— Слыхал, Арсютюшка? — громко спросила тетя Нина, и зал грохнул. — А то расселся тут у меня. Все, с завтрава гуляем до озера, вокруг него и обратно, оба конца пешком!

— Нинюшка, так я разве против, — покладисто согласился Чепайкин, и зал аж задохнулся от смеха, припомнив небезызвестного персонажа с фильма «Любовь и голуби».

А громче всех хохотал дед Элай.

Когда смех улегся, я заметил, что Игорек ерзает и поглядывает куда-то назад. Я сначала подумал, что он из-за Венеры, севшей рядом с Елисеем, но потом понял, что дело в другом.

— Игорь, у тебя вопрос? — спросил я.

— Да не, я так... — Он покосился на мать, но все-таки решился: — Ну, короче, это. У меня же эти, как их... капли в нос. Короче, без них не дышу совсем. Уже год, наверно. Флакон в кармане, флакон у кровати. Это чего теперь, операция нужна?

— Год?! — ахнула Людмила Степановна. — Ты же говорил, насморк у тебя, Игоречек!

— Мам! — взмолился Игорек.

— Не нужна операция, — сказал я, сверившись с показаниями диагностического модуля. — И не насморк это давно, если уж на то пошло. Капли твои сужают сосуды в носу. Вот и прикинь сам. Год подряд ты сужаешь их химией, вот они и разучились делать это сами. Получается, когда ты капли убираешь, сосуды разбухают, нос закладывает, и ты закапываешься снова. Замкнутый круг.

— И чего делать? — с надеждой спросил Игорек.

— Слезать с капель, что же еще, — ответил я. — Только сперва мне надо в этот нос заглянуть и понять, отчего его у тебя закладывало с самого начала, — от этого и способ зависит. Кого-то снимают разом, кого-то потихоньку, часто на время подключают лечебный спрей, чтоб не так мучиться.

Зайди ко мне, посмотрю и распишу под тебя. Одно скажу заранее: недели две-три будет противно, так что готовься.

— Потерпит, — мрачно пообещала Людмила Степановна и так зыркнула на сына, что Игорек заметно приуныл.

Тут со стула у прохода поднялся сухощавый мужчина лет пятидесяти с чем-то в спортивном костюме.

— Позвольте и мне, доктор, — зычно проговорил он. — Вячеслав Тюльпанов я. Значит, бегаю я много лет и хочу подготовиться к марафону. А на снимке мне написали, что, мол, хрящ истончен. И жена возмущается, что, мол, добегаешься, Славик, до коляски. Кто из нас прав?

— Оба по-своему, — ответил я. — Само по себе истончение на снимке бега не запрещает, так что ваша жена преувеличивает. Но на самом деле решать лучше не по снимку, а по колену. Прислушайтесь, болит ли оно, проверьте, не отекает ли и как отвечает на нагрузку на следующий день. Если все нормально, то бегайте на здоровье, только с умом. Объем наращивайте плавно, без резких скачков, а не так, что обычно бегали двадцать километров, а потом начали сразу по тридцать. И дам вам тот же совет, что и Арсению Лукичу. Пару раз в неделю давайте ногам силовые нагрузки, потому что крепкие ноги поглотят импульс удара раньше, чем он дойдет до суставов. А марафон себе поставьте целью на год, не на весну, тут спешить нельзя. Иначе есть риск, что он для вас станет первым и последним.

— А говорят, бег вообще убивает колени, — скандальным

голосом вставил кто-то, сидевший сбоку от Вячеслава.

— Скажу так. У сидячих колени болят чаще, чем у бегунов. Так что не бег убивает колени, а чрезмерные нагрузки на неподготовленные суставы, неудобная обувь, плохая техника бега и неудачная поверхность.

Поблагодарив за ответ, повеселевший Вячеслав сел и тут же начал что-то писать в телефоне.

Я хотел было сделать паузу, чтобы выпить воды, но тут не утерпела какая-то девушка. Поднявшись, она затрясла вскинутой над головой рукой, как в школе, и спросила:

— Сергей Николаевич, а про голодание что скажете? В интернете пишут, типа, посиди сутки без еды, и организм сам себя починит, сожжет все лишнее. Правда полезно?

— И правда, и не совсем, а главное, разговор о голодании долгий, на целую лекцию, — ответил я. — Коротко так: здоровому человеку день без еды ничего страшного не сделает, только оздоровит, но вот чудес, которые в интернете обещают... В общем, кому интересно всерьез, останьтесь после собрания, расскажу. А сейчас давайте про то, что у людей болит.

В этот момент Борька оторвался от блокнота и посмотрел на меня так, что сомнений не осталось — этот обязательно останется и послушает, а где надо и поkritикует.

— Доктор, а мне про камень скажите, — попросила сухонькая старушка в белом платке из второго ряда. — На УЗИ нашли, в желчном. А он не болит. Дочка пугает: режь, мама,

пока не поздно. А я боюсь.

— Молчит камень? — уточнил я. — Не болело ни разу?

— Ни разочка, — сказала она.

— Тогда и не трогайте, — сказал я, — пусть себе лежит. Раз камень нашли случайно, а желчный и протоки при этом в порядке и ни разу вас не беспокоили — обычно его не трогают, живут годами. И на УЗИ каждый год бегать не надо. Но вот когда камень даст о себе знать... К примеру, почувствуете колики, боль под правым ребром — тогда пора к хирургу. Ну а если боль сильная и не отпускает, да еще температура поднялась да желтизна пошла... Вот тогда уж точно нельзя откладывать — бегом в больницу.

— Откуда вообще эти камни берутся? — выкрикнула полная соседка старушки.

— Они появляются, когда желчь становится слишком концентрированной, — ответил я. — Тогда она кристаллизуется. Обычно такое происходит, когда в желчи, к примеру, слишком много холестерина, и его избыток выпадает в осадок в виде мелких кристаллов, которые затем слипаются и растут. Еще бывает, что желчный пузырь плохо сокращается, и тогда желчь застаивается, густеет, и кристаллы, опять же, растут. Но, как я уже сказал, сам камень может годами не беспокоить. Боль возникает, когда он перекрывает выход из пузыря или желчный проток...

В этот момент я осознал две вещи: что опять сбился на лекцию, оседлав любимого конька, и что зал слушает, затаив

дыхание, как будто я рассказываю им что-то остросюжетное.

— Тут девушка спрашивала про голодание. Так вот, при быстром похудении и длительных голоданиях печень выбрасывает больше холестерина в желчь, а пузырь из-за редких приемов пищи сокращается слабее. Это тоже может стать причиной возникновения камней. Так что, если соберетесь худеть, не вздумайте морить себя резким голодом. Тогда желчь застаивается, и ваш молчавший годами камень может проснуться.

Убедившись, что я закончил, старушка закивала:

— Спасибо, милоч! Вот и я дочке толкую: не болит — не трожь.

Я уже собирался закругляться, когда с заднего ряда поднялась еще одна немолодая женщина в темном платке. В Морках я ее видел, но по имени не знал. Она комкала в руках варежки.

— Доктор, а можно не про болезнь? — спросила она. — Вот вы все говорите: берегите себя, берегите. А я одна живу. Муж мой помер, дети разъехались, звонят на Новый год да на день рождения. Для кого мне беречься-то?

В зале стало тихо, потому что на такой вопрос ни у кого ответа не было. У меня, честно говоря, тоже.

— А вы к нам ходите, — ответил я. — Вот прямо сюда, в санаторий. Клуб этот мы теперь будем собирать постоянно, у тети Нины на кухне всегда есть чай, а весной нам понадобятся руки на огород, на клумбы и в сад — я как раз ищу,

кому это дело доверить. Беречься для кого-то конкретного вовсе не обязательно. Приходите и увидите, сколько тут таких же, у кого дети разлетелись из гнезда. Вместе здоровье беречь легче.

— А вот и приду, — обрадовалась женщина и села. Тетя Нина тут же начала ей что-то говорить.

Потом было еще несколько вопросов, после которых Александра Ивановна встала рядом со мной и сказала:

— На сегодня все, дорогие гости. Пора и честь знать.

Спорить никто не стал, на том и закончили.

Расходились, впрочем, долго, потому что народ обступил Сашулю записываться в «Клуб здоровья», дед Элай стал агитировать за то, чтобы собирать со всех членские взносы, а кому-то Венера уже замеряла давление. Даже Диане нашлось дело: она раздавала всем заготовленные Сашулей листки со списком простых полезных привычек вроде дыхания 4-7-8 или вставания на цыпочки.

Кто-то в дверях пошутил, что после такого клуба, мол, не грех и принять для здоровья, но его застыдили бабы.

Стоило мне подумать, что наконец-то можно заняться своими делами, как я обнаружил перед собой человек двадцать во главе с той девушкой, спрашивавшей о голодании. За ними ухмылялся Борька Терновский, а рядом с ним с лицом человека, который своего не упустит, стоял Самарцев. Танюха тоже присутствовала и пожирала меня глазами. Понятно, ей безумно интересно.

— Ну-с, коллега, про голодание вы обещали нам лекцию прочесть, — сказал Терновский. — Причем, как я понимаю, науке не противоречащую. Что ж, просим. Каникулы, торопиться некуда. Извольте.

Я тяжело вздохнул. Вот же зараза.

Глава 3

Я окончательно осознал, что при помощи шуточек отвертеться не выйдет, когда люди, не сговариваясь, начали подтягивать стулья и рассаживаться передо мной.

И тут кто-то из ушедших вернулся за чем-то, а увидев, что все еще продолжается, побежал за остальными. Кто-то кому-то перезвонил. И вот люди начали снова собираться, но уже спонтанно у входа в актовый зал.

Впереди устроилась та самая девушка, что и заварила всю эту кашу. Пока народ рассаживался, я перевел на нее взгляд и сфокусировался.

Елизавета Игоревна Ромашкина, 27 лет

6-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Надежда.

Биологический возраст: 36.

Присмотревшись, я ее вспомнил — видел в районной администрации. Тридцать шесть при паспортных двадцати семи, полновата, лицо усталое... Оттого, стало быть, и столь явный интерес к голоданию.

— Ну что ж, раз такой вопрос... — начал я, всматриваясь в лица слушателей. — Только уговор. Рассказываю, как есть, но только то, что наука смогла доказать. И хорошее, и то, о чем сторонники голодания помалкивают.

— Вот и славно, — с довольным видом отозвался Тернов-

ский, но при этом съехидничал. — Жги, Епиходов.

— Тогда слушайте. О голодании во все времена говорили много, а в последнее время заинтересовались еще сильнее из-за аутофагии, за открытие механизма которой японский ученый Есинори Осуми получил Нобелевскую премию. Если говорить просто, это процесс, при котором клетки организма обновляются, причем для этого они перерабатывают и утилизируют свои поврежденные компоненты.

Терновский кивал, соглашаясь со сказанным, а Елизавета, не выдержав, подняла руку и спросила:

— И голодание включает эту аутофагию? Ведь так?

— Простите, как вас зовут?

— Лиза.

— Так вот, Лиза, — кивнул я, пока не став усложнять. — Голодание не включает, а усиливает аутофагию. Аутофагия у здорового человека идет постоянно.

— То есть голодание полезно? — продолжала давить Елизавета.

— Вы слишком спешите с выводами, — сказал я. — Сами посудите, Лиза, мы только что обсуждали бег. Бег тоже полезен. Но если деда Элая без подготовки отправить на марафон, пользы он не почувствует. Согласны?

Все закивали, а Танюха не выдержала:

— Точняк! Мы когда с Серегой бегать начинали, вообще пешком ходили поначалу! А один раз так даже типа ползли.

— Ну вот, — улыбнулся я. — С голоданием то же самое.

Важно ведь не только, какие процессы оно меняет, но и кто голодает, как долго, часто и зачем. Да, нехватка питательных веществ может ее усилить, но точного часа, когда она якобы включается у человека, наука пока не установила. Есть только ориентиры. Так что, честно говоря, ответ такой: голодание может быть полезным, но не для всех.

— Но ведь все говорят, что оно полезно! — не сдавалась Лиза.

— Это потому, что людям свойственно искать легкие пути, — авторитетно вставил Терновский. — Ну а что, поголодал — и снова здоров как бык. Или разом сбросил двадцать кило. Так ведь, Епиходов?

Кивнув, я сменил тему:

— Давайте-ка пройдемся по тому, что вообще происходит с вашим организмом во время голодания. Прямо сразу после последнего приема пищи, чтобы было понимание процессов. По часам. Только имейте в виду, что все это примерно, сроки у каждого свои.

— Да это понятно, — закивала Лиза. — Я вон поем что, а через час опять жрать хочу. А муж может спокойно весь день без еды ходить и хоть бы хны.

— Об этом отдельно поговорим, а пока давайте возьмем здорового человека, который поел и лег спать, — начал объяснять я. — Первые четыре часа съеденное переваривается, кишечник всасывает питательные вещества, инсулин поднимается, печень и мышцы запасают глюкозу в виде гликогена,

а свой жир не трогается.

— А потом? — спросила Танюха.

— А потом суп с котом, — остроумно пошутил профессор Терновский, но я с ним не согласился:

— Никакого супа на ночь глядя, ведь мы говорим о голодании. Так что идем дальше. Примерно через шесть-восемь часов ужин переварен. Инсулин снижается, и тело начинает тратить гликоген и понемногу доставать жир из запасов.

— Красота! — восхитилась Танюха. — Ты спишь, а жир сжигается! Поэтому ты говорил, что лучше ужинать часа за четыре до сна, Серега?

Какая-то бабуля на нее шикнула:

— Какой он тебе Серега, шаболда? Сергей Николаевич!

И мне пришлось вмешаться:

— Татьяна — моя лучшая подруга, поэтому ей прости-тельно. Но вообще, Танюха, прошу не перебивать, а то лекция затянется до утра. И это касается всех. — Она кивнула, а я продолжил: — В общем, к утру инсулин уже низкий, и сахар в крови держится не из-за еды, а благодаря печени. Часть она выдает из запасов, а часть делает сама...

— Ты им объясни, почему ты все время на инсулин напир-аешь! — выкрикнул Борька.

Хмыкнув, я кивнул:

— Хорошо, сделаю небольшое отступление. Почему так важно, чтобы натошак у нас был низкий инсулин? Видите ли, из-за того, как многие из нас питаются, ткани хуже воспри-

нимают инсулин, оттого и поджелудочная вынуждена выделять его больше, чтобы удерживать сахар нормальным. И это самый настоящий предвестник больших проблем. Ведь чем это грозит? Преддиабетом и диабетом 2-го типа, увеличением талии, повышенным давлением и холестерином, жировой болезнью печени... и все это ведет к многократно повышенному риску инфаркта и инсульта.

— И что делать? — испуганно спросила Лиза.

— Снижать инсулинорезистентность. И как раз в этом может помочь интервальное голодание. Не надо пугаться, все мы так или иначе голодаем, особенно ночью. Неслучайно breakfast, то есть «завтрак» с английского, переводится как «прервать пост». Если не есть, как положено, часа три-четыре до сна, то как раз и получается двенадцатичасовое интервальное голодание, которое действительно помогает справиться и с лишним весом, и с повышенным инсулином. Есть более усиленные версии, когда человек питается в течение только десяти часов в день, скажем, с девяти утра до семи вечера, или шестнадцатичасовое...

— К делу переходи! — требовательно воскликнул Борька скандальным голосом. — Что ты сиськи мнешь, Епиходов?!

В общем, вел себя как настоящий профессор, так что мне пришлось немного ускориться:

— Ладно, вернемся к тому, что происходит с телом. После двенадцати-шестнадцати часов голодания многие ощущают ясность ума, а тело переходит в режим исцеления и об-

новления. Спустя примерно сутки запас гликогена тает, жир идет в дело бодрее, и печень делает из него кетоны. Это тоже топливо для организма, только, в отличие от жира, кетонами хорошо питается и мозг. Начинается исцеление внутренней поверхности кишечника, который наконец может заняться собой.

— Что значит «наконец-то»? — спросил какой-то мужик.
— А так что?

— А так он у вас все время занят перевариванием и усвоением пищи, — ответил я. — Мы же все время что-то едим. Максимум часов восемь-девять ночью обходимся без еды, а многие сейчас и по ночам любят вкусно поесть. Справедливо?

Некоторые угрюмо закивали, а я продолжил:

— Вот то-то и оно. А ведь миллионы лет эволюции наши предки ели не по расписанию. Сегодня славно поохотились — наелись от пуза, а завтра не повезло, и могли надолго остаться без еды. Короче говоря, никакого трехразового питания, в лучшем случае обходились насекомыми, травками да корешками. И эволюционно наши организмы пришли к тому, что заниматься восстановлением и самоисцелением лучше всего в самый большой промежуток между едой, то есть ночью. А что сейчас? Все это нарушено! Завтрак, потом полдник, потом бутылку газировки выпил и на ланч, а там и до обеда рукой подать, потом опять перекусы, а дома уже нормальный полноценный ужин, после которого под сери-

альчик сам бог велел пивка с чипсами или мороженого перед сном. А то и сдобную булочку с изюмом. Ну и когда тогда телу заняться собой, если сахар и инсулин все время высокие?

Толстая женщина, шумно жевавшая шоколадный батончик и бесконечно шуршащая фантиком, смутилась и торопливо спрятала его.

— Но не будем о грустном, — сказал я. — Продолжим. Через сутки голодания резко снижаются многие неприятные симптомы ЖКТ вроде вздутия или синдрома раздраженного кишечника. Одновременно бешено возрастает уровень гормона роста, призванный защитить наши мышцы. К тридцати часам голодания идет всплеск BDNF, нейротрофического фактора мозга, благодаря которому улучшаются внимание, память и даже воображение, а также создаются новые нейроны.

От моих слов Лиза становилась все счастливее, словно я открывал ей секрет вечной молодости.

— К тридцати шести часам голодания все более-менее устаканивается. В этом режиме сахар и инсулин ниже, чем после обычной ночи, а жирных кислот в крови больше. Примерно тогда же клетки активнее обновляются и снижается воспаление. Верно, Борис Альбертович?

Терновский кивнул:

— В общих чертах.

— Ты, Сереж, главное скажи: похудеть-то на этом можно?

— спросила Танюха.

— Точно! — подняла руку Лиза. — А то я после каждой диеты все назад набираю!

— Похудеть можно, — ответил я. — И вот тут самое интересное. Ведь почему после любой диеты, хоть кето, хоть какой другой, спустя максимум год все возвращается назад, а то и с прибытком? Потому что у нашего тела свое понимание о нормальном весе. Если ты годами весил сто кило, то эта сотка и считается твоим организмом правильной.

— Ты им объясни проще, как это работает, Епиходов, — встрял Терновский, ехидно улыбаясь.

— Объясняю. Вот вы, Лиза, почему вес назад набираете? Не потому, что вы слабая, а потому, что диета ваша — недоедание, причем каждый день. А когда такое происходит, организм решает, что настал голод, не путайте с голоданием, и начинает на всем экономить. Снижается обмен веществ, тепла тратится меньше, при этом усиливается чувство голода. Так наши гормоны устроены. И выходит, что на диете вы воюете не с лишней котлетой, а с собственным организмом. Оттого все диеты откатом и кончаются.

— А голодание, стало быть, не воюет? — спросила Танюха.

— В том-то и дело, что нет, — ответил я. — Если, к примеру, голодать по тридцать шесть часов в неделю... это, грубо говоря, с вечера воскресенья до утра вторника, зато потом есть нормально, тело только спасибо скажет. Ведь в сытые дни обмен веществ держится на уровне, и мышцам есть из

чего строиться. А в голодный день организм спокойно тратит запасы. Кроме того, поголодать денек куда проще для многих, чем каждый день недоедать и стрессовать из-за этого. От жестких диет растет кортизол, а от него жир набирается еще быстрее. Проще говоря, один трудный день перетерпел — и снова живешь по-человечески. Впрочем, там и терпеть особо не обязательно. Тело быстро привыкает, и люди, которые регулярно голодают, вообще не страдают, наоборот, ждут с нетерпением этих дней, настолько хорошо они себя чувствуют.

Покосившись на Терновского, чтоб не придрался, я добавил:

— И это не мои рассуждения. Были исследования. Много. К примеру, изучали людей, голодавших по тридцатишестичасовой схеме. Через несколько недель у них снизился вес, но самое главное — ушел висцеральный жир, тот самый, что копится вокруг органов и вреднее всего. Также улучшилось соотношение жира к мышцам, полегчало и с сахаром, и с воспалением, и по сердечной части.

— Говорят, мышцы быстро тают на голодании, — спросил кто-то из заднего ряда.

— Верно, потому что уборка идет во всех клетках подряд, и в мышцах тоже. Организм не умеет сжигать только ненужное. Что попроще и поближе достать, то и берет. Но мышцы организм подъедает немного. Да, часть аминокислот тело забирает, это точно, но, во-первых, не все идет из мышц, мно-

гое из поврежденных тканей, а, во-вторых, за такой срок потеря невелика, особенно если между такими днями ешь достаточно белка и даешь мышцам достаточную силовую нагрузку. Потому я и говорю: голодать надо с умом, а не просто поголодал, а в остальное время ешь пирожные и лежишь на диване.

Терновский хмыкнул, но спорить не стал. Однако внимание привлек, все посмотрели на него, и ему пришлось что-то сказать.

— Что ж, Епиходов, — проговорил он профессорским голосом, — на удивление трезво и грамотно ты рассказал. Я все ждал, когда ты скажешь, что голодание, мол, шлаки из организма выводит, но ты молодец, не пошел на поводу у всяких там интернет-экспертов.

— За шлаками — в металлургию, — хмыкнул я. — А я вернусь к теме. Итак, польза от голодания есть. Но важно помнить, что это не какое-то там чудо или, наоборот, наказание, а рабочий инструмент. И для многих он удобнее вечной диеты хотя бы тем, что все остальное время можно есть как обычно. Но! Есть важное «но»! Прежде чем кто-то из вас с завтрашнего дня бросит есть, запомните, кому голодать без врача нельзя. Диабетикам, особенно если на инсулине или на таблетках. Беременным и кормящим мамам. Тем, кто и без того худой. При больных почках, печени, при подагре. Всем остальным еженедельный разгрузочный день будет только на пользу. Главное, если почувствуете себя плохо, на-

пример, обморок случился, помутнение, сильный упадок сил или сердце вдруг заколотится, тут же прекращайте и ешьте. Ничего страшного, через недельку попробуйте снова.

— А выходить-то как из голодания? — спросил Самарцев. — Народ ведь после суток-полутора с голодухи на еду набрасывается и жрет!

— Вот набрасываться и жрать не надо, — ответил я. — Иначе все насмарку. Сел и поел спокойно, по-человечески, как обычно. Тем этот способ и хорош, что мудрить не надо.

Елизавета что-то быстро записывала в телефон, и азарта в ней только прибавилось. А вот Танюха смотрела с сомнением.

— Мне-то, Серега, с чего начать? — спросила она. — Может, мне типа прям завтра не есть? А то ты тут столько интересного понарасказывал, я аж загорелась.

— Почему бы и нет? — улыбнулся я. — Разве что начинать я советую с шестнадцати часов. То есть поели в шесть-семь вечера и все, до девяти-десяти утра ничего, кроме воды. На этом, наверное, закончим.

Народ загалдел, задвигал стульями; кто-то уже вслух прикидывал, дотянет ли до утра, если не поужинает.

Уже в дверях я придержал Елизавету и сказал вполголоса, чтоб не при всех:

— А вы, Лиза, загляните ко мне отдельно как-нибудь, запишитесь у Александры Ивановны. Поговорим о вашем самочувствии, как его улучшить помимо голодания.

Она насторожилась, но все же кивнула и ушла.

Распаренный после душного актового зала, я накинул куртку и пошел на улицу немного проветриться.

А там на крыльце обнаружился еще один человек, которого я за всей этой лекцией и не заметил. Очень крупный мужчина лет сорока на вид млял в руках шапку.

— Сергей Николаевич, уделите минуточку, а? — взмолился он при виде меня.

— Вы что-то хотели спросить? — спросил я.

— Хотел. Только не при всех, если можно, — смущенно ответил он.

— Хорошо, пройдемся.

Мы прошли в мой импровизированный кабинет приема «Клуба здоровья». Пока он усаживался, я сфокусировал на нем взгляд.

Ведерников Павел Андреевич, 35 лет

6-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Настороженность.

Биологический возраст: 53.

— Павел, — представился он и протянул руку.

— Сергей, — сказал я, пожав ее. — Слушаю вас, Павел.

— Я, наверно, глупость спрошу... — пробормотал он. —

Вы вот рассказывали про порядок еды, про ходьбу после обеда... А если человеку это все как мертвому припарка? Если он с детства толстый и всю жизнь толстый?

— Расскажите, — сказал я.

И он рассказал. Выяснилось, что полнота у них семейная, по материнской линии: мужики тяжелеют смолоду и до старости, женщины — после родов.

В двадцать четыре года Павел весил уже за сто тридцать. Чего только не пробовал, но вес не уходил.

Дошло до того, что он записался в проект похудения, где у него был тренер, а за победу вручали кубок. Три месяца он ел гречку с кефиром и зеленые овощи, тренировался через день до темноты в глазах, его давление прыгало, а под конец у него напрочь пропал вкус, потому что еда, по его словам, стала картонной.

Из всей группы проекта он стал единственным, кто не сорвался ни разу.

— Я почти тридцать кэгэ сбросил, — сказал Ведерников без всякой гордости. — Кубок дали, он у матери в серванте стоял. А потом...

— Все вернулось? — спросил я.

— Угу. За следующие полгода я набрал тридцать три. Причем ел-то уже по-человечески, без переедания, и в зал ходил, Сергей Николаевич, но все равно набрал! Все вернулось, еще и с добавкой! И вот тогда я понял штуку, с которой до сих пор живу: похудел я тогда не от здорового образа жизни, мать его так, а от обычного истощения. Ну, как в концлагерях. Думаю, ни черта мой организм не оздоравливался, а наоборот, подыхал. Потому и вес тогда уходил.

— Очень точная формулировка, — сказал я. — Врачи вам

что говорят?

— Что говорят... Резекцию желудка, говорят, нужно делать. А я почитал про осложнения и решил: да ну ее. Живу как живу.

— Живете как живете, ну-ну... А живется-то вам как?

Ответил он не сразу. Лишь глянул с удивлением, потом опустил глаза и долго размышлял.

— Да как вам сказать... — выговорил Ведерников наконец. — Уставший какой-то я все время. Уж и не помню, Сергей Николаевич, когда с утра вставал бодрым. К вечеру совсем никакой делаюсь. Сперва на вес грешил. Потом решил, что в железе дело пониженном, находили у меня раньше. Только вот кровь сдать собираюсь уже год. Год, представляете? И ведь знаю все наперед: и какой анализ нужен, и врача какого спросить... А толку-то? Сесть да сделать — хоть тресни, не могу. Будто батарейка села, и все, так и живу с севшей.

Все эти его симптомы я уже видел в диагнозе Системы, но человеку важно, чтобы его выслушали, а уже потом давали советы.

— В общем, живу по кругу, — невесело усмехнулся он, и эта усмешка была кривой, словно он лимон съел. — Работаю, чтобы семью прокормить, ем и сплю, чтобы работать, терплю, пока дети не подрастут. Как робот. А ведь я, знаете, Сергей Николаевич, книжки писать хотел. Мечтал игры придумывать для компьютера, причем такие... настоящие, в

общем, чтобы с живым миром внутри, а не какие-то пострелушки.

— Книжки... — задумчиво проговорил я. — Попробовали хоть?

— Ну да, — кивнул он. — Одну книгу почти дописал... но не закончил.

— Почему? — спросил я.

— Да просто такое ощущение... что вот пока не дописал и никому не показал — книжка у меня получилась вроде хорошая. А если допишу, выложу, и окажется, что она на фиг никому не нужна? Тогда все, понимаете? Прощай, мечта. А так... получается, есть еще надежда.

— Глупости, — покачал головой я. — Ну, не понравится, ничего страшного, новую напишете. Мало кто первой же книгой в маститые писатели выбивается, Павел. Напишете другую...

Сказав это, я запустил эмпатический модуль и увидел, что главного он мне пока не сказал. Так и оказалось.

— Я, собственно, не за этим остался, — чуть помолчав, тихо сказал Ведерников. — У меня мать умерла. Три месяца назад.

— Соболезную, — сказал я.

— Она тоже полная была, всю жизнь. А под конец... Под конец стала набирать вес очень быстро, прямо на глазах. При этом почти не ела. Я же видел: не ела она! А весы каждую неделю — плюс два, плюс три. Ноги отекли — во, — показал

он руками. — Врачиха районная сказала: ожирение, мол, садитесь на диету. А через месяц ее не стало... И я теперь сижу и думаю: это что же, и меня так? Это у нас наследственное такое, что ли, набирать и помирать?

Вот теперь все встало на свои места, потому что про мать — это была важная информация, которая дополнила показания Системы.

— Павел, — сказал я. — Давайте по порядку, потому что вы навалили на себя сразу три вины, и ни одна из них не ваша. Во-первых, то ваше резкое похудение в проекте. Вы же понимаете, что не слабак и не сорвались? Наоборот! Вы единственный из группы дотерпели до конца. А что вес потом вернулся, да еще с лишком, я же как раз на лекции объяснял, про голодание...

— На какой лекции? — удивился он, и я понял, что он не оставался.

— Ничего страшного, что пропустили, мне несложно повторить. В общем, при урезании калорий, при жестких диетах тело включает режим выживания — начинает беречь энергию на всех процессах и активно запасает жир. Вот такой вот парадокс. Страдает обмен веществ, гормоны голода сводят все мысли только на еду... У всех людей так, хотя у каждого по-своему. Так что то, что после диеты вы снова вес набрали, — это вполне нормальная картина: тело просто вернуло то, что считало нормой.

— А что начать ни одно дело не могу — это что? — спро-

сил Ведерников.

— Отчасти это как раз из-за того неудачного опыта с похудением. Вы один раз в жизни поднатужились по-настоящему, и это вас чуть не убило. По крайней мере, тело ваше это так запомнило, причем накрепко. С тех пор вы и не стараетесь подсознательно, потому что вбили себе в голову, что все усилия тщетны, ничего не получится. Но открою вам секрет, Павел, это легко исправить. Это привычка, и ее просто нужно изменить. Начните с маленьких дел, которые легко довести до конца, как с теми же анализами на железо, и постепенно настройтесь на более позитивный лад. Помните, как в школе мы полы мыли в классе, когда на дежурство оставались? Сначала мыли первый ряд, потом второй, потом третий, а потом перед доской. То есть делили на небольшие участки. И дело двигалось. Так вам нужно к любому делу относиться: боишься большого объема работы — раздели на первый-второй-третий ряд и потихоньку делай.

Он кивнул, потом тяжело вздохнул и дрожащим голосом спросил:

— А вот то, что у мамы было?

— А вот про маму слушайте отдельно и внимательно, это самое важное, — сказал я. — Когда человек почти не ест, но быстро тяжелеет, да еще ноги отекают, — это очень редко из-за жира, потому что жир так не наращивается, он физически не успевает. Куда больше это похоже на воду, на отеки. А отеки — это никакое не ожирение. Скорее, так подают голос

сердце или почки, случается, что и печень.

— То есть ее можно было... — И запнулся, сглотнул ком в горле.

— Не знаю, — честно ответил я. — Заочно, спустя три месяца, по одному только рассказу я ни диагноза не поставлю, ни причину смерти не назову, а врать не буду. И вы себя этим не казните: вы поверили врачу, так и положено. А вывод для вас другой. Да, наследственная полнота у вас и правда есть, с ней придется считаться всю жизнь. А вот то, что случилось с мамой, на простую полноту не похоже совсем — похоже на невыявленную болезнь. А такое сейчас лечится. Сердце и почки смотрят обычными вещами — осмотр, давление, кровь, моча, а дальше, к примеру, УЗИ. Понимаете?

— И что делать?

— Ну, вы же умный человек, Павел, — улыбнулся я. — Писатель. Попробуйте сами ответить на свой вопрос.

— Пойти в больницу и сдать анализы?

— Верно. А с результатами можете и к нам зайти, если доверия другим врачам нет, это объяснимо в вашей ситуации. Кстати, сдавайте не только на железо. Я заметил, что вы спину бережете и плечо — правую руку не поднимаете.

— Плечо я в январе потянул, так и не прошло толком, — нервно сказал он, чуть удивившись. — И спина, да, две грыжи находили. И изжога еще: чуть понервничаю или нагружусь, в глотке печет.

— Вот и разберем все по очереди, спокойно, — сказал я.

— И изжогу уйдем, дело нехитрое.

— А потом? — спросил он. — Опять гречка с кефиром?

— Ни в коем случае, — возразил я. — Никаких больше жестких диет и постоянного чувства голода, свое вы уже отголодали. Еда обычная, только белка побольше, а всякого мучного и сладкого поменьше. Сон. Тренировки силовые пару раз в неделю. Мышцы у вас, кстати, хорошие, база от того проекта осталась. Вес будет снижаться медленно, по килограмму-два в месяц, и это правильно: быстро вы уже пробовали, знаете цену.

— То есть можно обойтись без резекции? — просветлел лицом Ведерников.

— Про резекцию поговорим отдельно, когда будут анализы. Но помните, что это не капитуляция, в тяжелых случаях она работает лучше всего прочего, только делать ее надо с умом и наблюдаться потом всю жизнь. Есть и новые лекарства, серьезные, вроде той же «Тирзетты» на базе тирзепатида — это более современное поколение после «Оземпики», но о них поговорим тоже отдельно после анализов. В общем, рано вы нос повесили, Павел. В чудесные времена мы живем, вы уж поверьте.

— А я ведь смирился уже, — удрученно проговорил он.

— Думал, дотяну лет до пятидесяти, как отец, и то ладно.

— До пятидесяти? — переспросил я. — Нет уж, планы придется пересматривать. И книгу свою, Павел, дописать не забудьте — запишусь к вам в первые читатели.

Павел улыбнулся совсем по-мальчишески, и это для меня стало, пожалуй, лучшей наградой за весь проведенный «Клуб здоровья».

Глава 4

Следующим утром, когда мы сидели за общим столом и завтракали, Элен хитро усмехнулась, задумчиво посмотрела на молочник, добавила немного сливок в чашечку с кофе и обвела притихших нас взглядом победительницы Олимпийских игр.

— Мне передали, что в доме престарелых сегодня будет Ротозеев, — сказала она. — У него дежурство. У них на эти девять дней между руководством расписаны дни дежурств, и сегодня как раз его очередь.

В этот момент Валера прыгнул с кресла, установленно-го специально для него (точнее, нагло им отвоеванного), и, задрвав распушенный хвост перпендикулярно поверхности планеты, вальяжно продефилировал вокруг нас и запрыгнул на колени Танюхе.

— Кто передал? — аж подскочил Наиль.

— Знакомый охранник.

— Знакомый охранник? — изумился я и пододвинул к себе миску с политыми домашней сметанкой золотистыми сырниками. — Боюсь спросить, и много у вас на территории Моркинского района нынче знакомых охранников? Небось уже своя агентурная сеть?

— Ой, Сергей Николаевич! Вам бы все шуточки шутить. Какая там агентурная сеть! — скромно потупила невинный

взор Элен, но уши слегка вспыхнули. — Разве вы сами не помните, когда мы подарки отвозили, там был такой славный мужичок? Он охранял. У него еще две внучки есть, Катя и Леля.

— Однако, — уважительно сказал я и добавил к сырникам немного варенья. Совсем капельку. — Надо же, как вы быстренько сумели его к себе на службу поставить. И даже семейный состав изучили.

— А то! — усмехнулась Элен и со скромным достоинством отпила кофе.

— Зато у меня минтай самый вкусный! — ревниво фыркнула тетя Нина.

Сказав это, она со свирепым видом поставила перед нами на стол огромный кассероль с запеченным по всем тетининским правилам минтаем, сочные волокна которого белоснежно контрастировали с карамелизированной золотистой морковью. То, что сейчас вообще-то завтрак и все едят овсянку, сырники и творожок, ее совершенно не смущало. Божественный сливочно-томленный рыбный аромат моментально поплыл над столом, заставляя нас прервать разговор и дезориентируя в пространстве и времени.

Оказывается, вчера Япар с Наилем ездили как раз за минтаем: юрист решил воспользоваться благодушным настроением тети Нины, окруженной кучей помощниц и получившей немного свободного времени. А Япар точно знал, где в Морках можно найти минтай. Все тотчас же побросали сыр-

ники и овсянку и принялись торопливо накладывать себе ароматные куски тушеной рыбы. Минтай тети Нины уважал не только Наиль.

Тем временем Валера, которому надоело сидеть у Танюхи на коленях, тем более что она его погладила всего-то два раза, перебрался к Еве. Та страдальчески скривилась, но замечание личному коту начальника делать, конечно же, не стала, дисциплинированно почесав Валеру за ухом. Затем, посчитав свой долг выполненным, вытерла руки салфеткой и невозмутимо продолжила завтрак.

— Вот и отлично, — сказал я, прерывая дискуссию, которая еще не успела разгореться, но потенциал пожара имела ого-го. — Значит, сегодня надо наведаться в дом престарелых.

— А можно и я с вами?! — вскинулся Елисей.

Венера тоже подняла голову и умоляюще посмотрела на меня:

— И я...

При звуке ее голоса Валера моментально спрыгнул с колен Евы и перекочевал на руки к Венере. Та бросила овсянку и принялась гладить и тетешкать наглого суслика.

— Конечно, — разрешил я. — Заодно и посмотрим там все по ситуации. А с Ротозеевым, конечно, надо кардинально решать. Хорошо бы еще Ласкина подтянуть, но праздники, и у него законные выходные.

Глава моркинской райадминистрации, Юрий Дмитриевич

Ласкин, был особой противоречивой, и отношения у нас с ним складывались неоднозначные.

— Я с вами, — тоном, не терпящим возражений, заявил Наиль и добавил: — А Ласкина я подтяну. Вы только время конкретно скажите. Он мне должен, я ему кое-какие документы помог правильно оформить. Так что, если позвоню — приедет.

— И я тогда поеду! — побарабанила пальцами по столу Ева и, не дожидаясь вопросов, добавила: — У нас же, насколько я понимаю, часть стариков выделены для каких-то ваших исследований? По науке, правильно?

Я кивнул. Терновский тоже одобрительно согласился.

— Поэтому я сразу составлю смету на дополнительное питание и витамины, — деловито сказала она, вытащила телефон и забила туда пару слов в напоминалку. — Но мне на месте нужно сориентироваться.

— Хорошо, — согласился я, порадовавшись, что у меня такая толковая помощница. Сам бы я уж точно не додумался это сделать.

— К дяде Филиппу заехать бы, сообщить, — как всегда чуть отстраненно заметил Япар, не отрываясь от куска минтая. — Так правильно будет.

— Согласен, — кивнул я, вспомнив о главе марийской общины Карасеве. — И с Новым годом мы его забыли поздравить. Нехорошо получается.

— Я тоже еду! — чуть не подпрыгнула Элен, у которой

уже явно возникла какая-то идея.

— Тетя Нина, а можно я дам кусочек рыбы Валере? — воскликнул Степка, потому что как раз в это время кот вырвался от Венеры и перекочевал к нему.

— Я тебе дам! — шикнула на него Танюха. — Ешь давай. Тетя Нина потом его сама покормит. А Валеру отпусти сейчас же. И ешь аккуратно, заляпался уже весь.

Глядя на эти женские причитания, Степка страдальчески вздохнул и спустил кота на пол, но бесподобный вкус идеально приготовленного минтая примирил его со вселенской несправедливостью.

Тем временем Валера, задумчиво рассматривая людишек, решал, кого же следующего осчастливить своим присутствием. Почетное право его погладить после мучительных раздумий досталось Вере Андреевне. Валера внимательно оглядел ее и, сочтя вариант достаточно приемлемым, отправился покорять Серегину мать. Но по дороге был перехвачен Дианой, которая все это время ревниво взидала на хождения по рукам свинского суслика.

— Ути-пути, мой малюсечка! — просюсюкала она и подхватила Валеру на руки.

Тот в первую минуту обалдел от такого вопиющего безобразия и потому прозевал момент, когда был усажен на колени. Точнее, перевернут на спину, лапами вверх.

— Ути, хорошенький, — продолжала ворковать Диана, глядя барабан живота.

Это уже выходило вообще за всякие рамки. Придя в себя, свободолюбивый Валера утробно взревел дурниной и вырвался из Дианиных рук, предварительно глубоко ее очаровав и укусив за палец.

Диана охнула и, не в силах удержать слез, тотчас выско-чила из-за стола.

— Плачет девочка в автомате!.. — гнусавым голосом, противно растягивая слова и отчаянно перевирая мотив, заорал ей вслед Пивасик, который хоть и дремал, но все прекрасно видел и не смог не прокомментировать ситуацию.

— Вот наглая ты жопа, Валера! — Тетя Нина возмущенно замахнулась кухонным полотенцем на сидящего на полу с умильной мордочкой, словно ничего и не произошло, кота и заторопилась утешать Диану.

— Валера, ты наказан! — неодобрительно сообщил начальному жулику я и указал ему на дверь. — Выйди прочь из столовой, раз так, и сиди теперь на кухне.

Валера обиделся и ушел.

— Жил да был черный кот за углом, и кота ненавидел весь дом!.. — радостно заверещал Пивасик и полетел вслед за невинно оскорбленным Валерой, обидно обзываясь и пытаясь его хоть куда-нибудь клюнуть.

Завтрак продолжался в неловкой тишине. Чтобы разрядить обстановку, Алена Петровна спросила:

— Вы сейчас прямо уезжаете, после завтрака?

Я покачал головой:

— Нет, Алена Петровна, сначала мы должны немножко позаниматься, причем все вместе, у нас же все-таки санаторий. Затем будет небольшая беседа по ЗОЖ, и только потом мы уедем: сперва заглянем к Карасеву, поздравим с Новым годом, а уж оттуда — в дом престарелых. Думаю, так будет правильно, чтобы не нарушать режим ни нам, ни старикам.

— Замечательно, — обрадовалась Алена Петровна. — Тогда мы с Ниной успеем рогаликов и ватрушек с творогом запечь.

— А кто едет? — спросила Танюха. — Я просто не могу, меня Геннадий к Полине в поселок отвезет. Обещала посмотреть, чего им там не хватает. У нас как раз мода на расхламление среди моих клиенток пошла, так они даже новые вещи с этикетками выбрасывают, если по цвету не подходит. А у нее четверо по лавкам и все растут.

— Уезжают Борис Альбертович, Маруся, Элен... — начал перечислять я.

— И Прохор Евграфович, — сразу же вставила Элен.

— Да, конечно, а еще Елисей, Венера, Ева, Наиль и Япар. Япар согласно кивнул.

— Вот и все, — сказал я. — Ну и я тоже.

После этих слов все заулыбались.

Когда с завтраком было покончено, я вышел в холл и увидел там, на диванчике, надутую Диану, которую тщетно утешала сердобольная тетя Нина.

— Что, вы уже собираетесь уезжать? — буркнула Диана,

не поднимая глаз.

— Пока нет, сначала хотим немного позаниматься физическими упражнениями, — пояснил я, — потому что праздники — это праздники, а режим — это режим. Уедем примерно часа через два.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась тетя Нина и убежала на кухню.

Я же присел на диван рядом с Дианой, которая при виде меня отвернулась.

— Диана, ну что ты дуешься? — тихо спросил я. — Расстроилась, что тебя Валера царапнул? Так ты же сама прекрасно знаешь, что он тебя не любит. Не знаю, почему так. К одному он идет, к другим нет, и тут ничего не поделаешь и не предугадаешь. Вредный кот. На помойке детство провел.

— Да, я помню, как он в мои туфли нассал, — вздохнула она и подняла на меня покрасневшие глаза. — Сережа, вот скажи, ты ведь не рад, что я приехала? — И, не дав мне ответить, добавила: — Я вам тут всем мешаю, вижу же, что чужая.

— Нет, Диана, ты не мешаешь, — абсолютно честно ответил я. — Если хочешь, поехали сейчас с нами в дом престарелых, посмотришь на стариков.

— Да что я, стариков не видела? — отмахнулась она. — Лучше останусь здесь, помогу тете Нине обед готовить, да и прогуляться захотелось.

— Ну, смотри, — вздохнул я.

Повисла пауза. Я не знал, что говорить. Просто сидели, молчали.

Затем Диана прищурилась и спросила:

— Слушай, а чем вы здесь по вечерам занимаетесь? Танцы у вас есть?

Я хотел сказать ей, что вчера после собрания «Клуба здоровья» мы до ночи просидели с Терновским над программой исследований, а перед тем рассчитывали дозу для Райки, и что так у меня одно цепляется за другое день за днем. Что нормального свободного вечера — чтобы взять и пойти на танцы или хоть кино посмотреть — я уже и не припомню.

Но, невольно вздохнув, просто ответил:

— Не помню уже, когда нормально отдыхал.

— Ну так давай отдохнем сегодня? — Она посмотрела на меня лукавым взглядом и осторожно погладила мою руку.

— Сегодня? — задумался я о том, что как раз сегодня мы будем давать Райке первую дозу «Вазорелаксина», а потом наблюдать, как препарат подействует. И покачал головой: — Сегодня уж точно никак.

— А завтра?

И что ей скажешь? Что завтра второй день, дозу поднимаем в несколько раз, и от Райки мне не отойти: дежурить будем по очереди с Самарцевым — он днем, я вечером, потому что у него семья, и на ночь он уезжает в Морки. Но этого не объяснишь, не рассказав заодно про «Вазорелаксин» и «ходячих мертвецов».

— И завтра, ты знаешь, не получится, — вздохнул я.

— Вот так у тебя всегда! Только повод ищешь! — обиженно фыркнула Диана, подхватила себя со своего места и убежала по коридору.

Я снова вздохнул.

— Что, не получается совладать с вредной бабой? — участливо спросил Япар, выходя из коридора, откуда он прекрасно все слышал.

— Да нет, — сказал я и махнул рукой. — Ерунда, она просто привыкнуть еще не может.

— У меня бы быстро перебесилась, — сказал он.

— Раз такой умный, бери ее и сам воспитывай. Девушка хорошая, профессионал высокого класса. Я сам с ней очень сложную операцию проводил и доволен ее работой.

Япар не ответил, лишь задумчиво посмотрел в ту сторону, куда ушла Диана. И по его темным глазам понять что-либо было сложно.

Следующие два часа мы прилежно занимались лечебной физкультурой в одной из самых больших комнат, выделенных под спортзал, а после пили минеральную воду из бювета.

Занимались, впрочем, не для галочки, и лечебной физкультурой дело не исчерпывалось.

Больше всего времени я потратил на короткие интенсивные нагрузки для всех, кто старше среднего возраста, потому что считал это едва ли не самым важным.

Мысль простая, и это доказано наукой: чтобы поддержать

сердце и голову, вовсе не обязательно ходить постоянно в спортзал и потеть по часу. Довольно четырех-пяти минут в день по-настоящему интенсивного движения, причем не подряд, а короткими отрезками, хоть по тридцать-шестьдесят секунд. Вбежал через ступеньку по лестнице, поднялся в гору не прогулочным шагом, догнал автобус, накидал дров в охотку — вот тебе и нагрузка.

Как понять, что нагрузка та самая? Очень просто: если сбилось дыхание и на ходу уже не получается спокойно разговаривать — значит, годится.

Было исследование, когда взяли почти сто тысяч человек, нацепили на них датчики движения и несколько лет наблюдали. У тех, кто набирал за день хотя бы несколько таких коротких, но настоящих нагрузок, риск слабоумия оказался ниже примерно на шестьдесят процентов, диабета — почти на столько же, а умереть за эти годы от чего бы то ни было они рисковали чуть ли не вдвое меньше тех, кто себя не нагружал вовсе. По сердцу вышло то же самое.

В общем, обычный подъем по лестнице в собственном подъезде, если взбегать по ней чуть живее, реально прибавляет шансов дожить до правнуков и застать их в своем уме.

Отдельно пришлось разбираться с иглорефлексотерапией, которую многие считают не то шаманством, не то шарлатанством. Сашуля мне на это уже несколько раз жаловалась.

Толк от игл при болях в спине, при мигрени, при проблемах с суставами не выдумка, его доказали десятки серьез-

ных исследований. Вот только польза эта основывается не на «энергиях» и «чакрах», а на понятной механике.

Мышцы и органы под кожей оплетены тонкой соединительной пленкой — фасцией. Когда иглу вводят и проворачивают, она наматывает на себя волокна этой пленки. Недавно ученые выяснили, что между слоями тканей прячется целая сеть мельчайших, заполненных жидкостью полостей, которых прежде попросту не видели. Игла тянет за волокна, давит на стенки этих полостей, и в жидкость выбрасываются сигнальные вещества, которые расходятся далеко от места укола. Никакой эзотерики — обычная физиология, до которой просто долго не могли добраться. А старая восточная карта точек, как ни странно, почти совпала с этой анатомией.

Также постоянно приходилось повторять про еду, потому что редко кто относился серьезно сразу, особенно тетя Нина с ее любовью ко всяким оладушкам. Пришлось утверждать питание отдельным приказом: держим белковое меню, потому что без мяса, рыбы и творога мышцы после пятидесяти уходят быстро, а с ними и сила, и равновесие, и самостоятельность. И есть важно не на бегу, а медленно и со вкусом: так и насыщение приходит раньше, и радости от еды больше.

В общем, достал я всех своими лекциями, чего уж там, это было видно по данным эмпатического модуля, но сдаваться не собирался. Не хочу, чтобы мои близкие болели. Хочу, чтобы жили долго и счастливо.

И вот когда наступило время ехать, мы собрались в холле.

— Ну что, все готовы? — спросил я.

— Да.

— Ой, подождите, — сказала вдруг Элен и, развернувшись, ускакала куда-то, скорее всего, к себе в комнату.

— Как же я не люблю ждать женщин, — проворчал Япар, и Наиль согласно кивнул.

Венера укоризненно посмотрела на них и сказала:

— Ну мало ли что, может, забыла что-то важное. Телефон, например, или еще что. Две минуты погоды не сделают.

Елисей согласно кивнул.

Я смотрел на эту нарождающуюся в коллективе иерархию и про себя улыбался: заявку на лидерство подавали сразу обе стороны и все никак не могли притереться друг к другу. Но ничего, время придет, общая работа их примирит — будут дружить как миленькие.

Элен прибежала ровно через три минуты и тащила в руках большую коробку.

— Что же вы тяжести носите? — воскликнул я, рванувшись помочь.

— Да нет, она нетяжелая, — сказала Элен.

— Что это? — спросила Ева и с удивлением посмотрела на нас.

— Так это подарок для Карасева, а то что же мы едем и ничего с собой не взяли, — сказала умничка Элен.

Я чуть не хлопнул себя по лбу: это ж надо было забыть. Точнее, не додуматься.

— И, кстати, где-то Прохор Евграфович пропадает.

Тут из коридора к нам подошел Прохор Евграфович с двумя большими пакетами. Следом за ним с загадочным видом шла Капитолина Леопольдовна.

— Я тоже поеду с вами, — сообщила вдруг она.

— А это что? — спросил я, указывая на пакеты.

— Да тетя Нина и Алена Петровна пирожки и рогалики для стариков передали, — сказал Прохор Евграфович, — чтобы мы не с пустыми руками ехали.

— Вот и отлично.

Стали рассаживаться. Причем получилось, что едем аж на трех машинах, потому что никто не хотел уступать — все пожелали сесть со мной. Но в конце концов все решилось: ко мне в салон забрались Терновский и Маруся, Ева и Капитолина Леопольдовна — к Наилу, а Елисей и Венера вместе с Элен — к Прохору Евграфовичу. Таким вот образом мы уже готовы были выдвигаться.

И тут на порог санатория выскочил раздетый Борька. Он замахал мне:

— Дядя Сережа!

— Что-то, может, случилось, — извинился я перед пассажирами и, выйдя из машины, подошел к мальчику. — Что такое, Боря?

Пострел посмотрел на меня внимательными серыми глазами и тихо сказал:

— Спасибо вам, дядя Сережа, что вы решили вылечить

мою маму. — Он застеснялся, смущенно ткнул мне в руку свернутую в трубочку бумажку и убежал.

Я развернул. Это был его рисунок: три фигурки и подпись: «я, мама Рая и дядя Сережа».

Глава 5

Ко двору Карасева мы подъехали минут через десять.

По своему обыкновению он неспешно вышел к нам на дорожку — в спортивном костюме и наброшенной поверх фуфайке, расстегнутой, невзирая на лютый холод. Начинался период крещенских морозов, и было так зябко, что мерзли даже щеки и нос, а он стоял в легкой одежде и, казалось, не обращал на стужу никакого внимания.

— Здравствуйте, Филипп, — сказал я. — Мы ненадолго, хотим поздравить вас с Новым годом и с рождественскими праздниками. Хотя не знаю, празднуете ли вы Рождество, но все равно — с праздником.

— Боги едины, — медленно молвил Карасев, и темные глаза его блеснули. — Помощники богов тоже одни и те же, просто называются по-разному. Если ты дружишь с одними богами, то и другие будут к тебе хорошо относиться.

Тут, пританцовывая от холода, вперед выступила Элен с нарядной коробкой в руках.

— А это вам, — с улыбкой протянула она подарок.

— Благодарствую, — степенно сказал Карасев, принимая коробку. — Рад, что вы приехали. Я уж думал, совсем забыли.

— Нет, что вы! Спасибо вам, Филипп, за поддержку и за то, что вы о нас помните, — сказал я, намекая на его вклад

в разборку с ижевскими.

Он отстраненно улыбнулся и сказал:

— Пока вы выполняете все договоренности, и я буду выполнять свои. Главное — священная роща. Не забывайте об этом. Это одна из самых важных рощ для народа мари.

— Помню, — кивнул я.

— А ты? — Карасев перевел взгляд на Япара, своего племянника. — Все хорошо там? Порядок?

Тот кивнул.

— Уже совсем ихним стал, я смотрю, — покачал головой Карасев, и непонятно было, сердится он или, наоборот, одобряет.

— Да, — усмехнулся Япар. — Мне там нравится, это правильные люди, и они делают правильное дело.

— Я слышал, — снова кивнул Карасев. — «Клуб здоровья», помощь людям...

— Да, — сказала Элен и не удержалась, чтобы не похвастаться: — И это только начало.

— Мы сейчас в дом престарелых едем, — сообщил Япар. Я даже глазом не успел моргнуть.

— Поеду с вами. Будем вместе Ротозеева выгонять, — сказал вдруг Карасев.

Вот тут я опешил. Ротозеева, конечно, надо было приструнить — но чтобы вот так сразу выгонять?.. Когда говорил с Елисеем, я прикидывал, что со временем его можно будет поставить директором дома престарелых, но не так же быст-

ро. Он ведь и освоиться здесь толком не успел.

— Ротозеев хоть на месте? — Карасев требовательно зыркнул на Япара.

— На месте, — ответил тот.

— Подождите, я оденусь. — Карасев подхватил подаренную коробку и ушел в дом.

Мы загрузились в машины, переглядываясь, но вслух ничего не обсуждая, — уж очень стремительно все завертелось. Через несколько минут Карасев подсел в машину к Наилу, где ехал Япар, и мы тронулись.

Подкатив к дому престарелых, мы опять наткнулись на давешнего охранника — того самого, что теперь был глазами и ушами Элен. Они перемигнулись, и она сказала с глубоким удовлетворением:

— Ротозеев на месте.

— Ну? Идемте, — сказал я и первым вошел в дом престарелых.

За мной двинулись Терновский с Марусей, потом все остальные, а замыкали процессию Япар с Карасевым. Да, с такой группой поддержки, как говорится, и батьку хорошо бить.

Мы поднялись наверх. Старики при виде нас обрадовались, заулыбались, побросали свои дела и принялись засыпать разными вопросами. Прохор Евграфович с двумя увесистыми пакетами протянул их Трутню и строго сказал:

— Надо раздать всем ватрушки и рогалики. Смотря по

тому, кто что больше любит.

— Сделаем! — пообещал тот в предвкушении, поймал какую-то юркую бабульку, и вдвоем они принялись раздавать угощение.

Старики воодушевились, начали делить между собой сладости. А одна из старушек озабоченно сказала:

— Надо бы чайник включить.

Они захлопотали, засуетились, и, пока отвлеклись от нас, мы прошли в кабинет Ротозеева.

— Здравствуйте! — сказал я, открывая кабинет без стука.

Ротозеев подпрыгнул от неожиданности и разлил чай прямо на клавиатуру.

Видимо, охранник его не предупредил о нашем появлении, поэтому директор, не подозревая, что сейчас начнется, сидел у себя, играл в какую-то компьютерную игру и пил чай. На столе стояла изящная чашка премиального костяного фарфора, а на блюдечке лежали два бутерброда с густо наложенной красной икрой. «А неплохо устроился Ротозеев», — неприязненно подумал я. Еще бы: сэкономил на новогоднем ужине для стариков — вот и может теперь жрать икру ложкой.

— Что же вы так, без предупреждения? — возмутился он. — У вас письмо есть, чтобы пройти? У нас режимный объект!

Он опять завел старую пластинку — видно, забыл, что его показания лежат у меня. Или, что вернее, кто-то решил его

поддержать: говорить он вдруг стал совсем иначе, ловко переобувшись в прыжке.

— У меня есть кое-что похуже.

Мы набились в кабинет, и от такого количества народу сразу стало тесно.

Ротозеев поначалу еще возбуждал и взбрыкивал, пробовал качать права, но при виде Борьки Терновского, а следом и Филиппа Карасева резко сдулся и побледнел.

— Как так получилось, что у стариков не было новогоднего ужина? — спросил я.

— Ужин был! — возмущенно взвизгнул Ротозеев. — Все согласно нормативам!

— Праздничный ужин, — едко уточнил я.

Ротозеев покраснел, но сдаваться не собирался:

— Это пожилые и старые люди! У них много хронических заболеваний. Многие на пороге смерти! — завопил он. — Какие им могут быть праздничные застолья?! Вы хотите, чтобы я им пьянки устраивал, а потом половину сразу на погост?!

— О хронических заболеваниях мы лучше знаем, — вроде бы мягко сказал Терновский, но Ротозеев аж икнул.

— А почему ты стариков в наш Дом культуры на концерт не привез? — гневно спросил Карасев.

Смотреть на это дальше я уже не мог и сказал:

— Отойду на секундочку. — И вышел из кабинета — как раз когда Ротозеева заставили выложить все бумаги Наилу,

Еве и Карасеву, внимательно вникавшему в документы.

Я вернулся в холл, к старикам. Ситуация злила меня все сильнее, хотелось хоть на минуту выдохнуть.

— Сергей Николаевич! — услышал я и поднял голову.

Ко мне подошла опрятно одетая женщина с королевской осанкой. Я сразу узнал ее — Зинаида Германовна Мейр-Сафонова по прозвищу Душечка, известная столичная актриса, в свое время блиставшая на сцене и сводившая с ума тысячи поклонников.

— Какие люди! — радушно улыбнулся я, стараясь забыть о безобразной сцене, что только что произошла в кабинете Ротозеева. — Вы здесь? Я думал, что вы уже уехали.

— Почему это вы так решили? — удивилась она.

— На Новый год я вас здесь не видел.

— Ах, на Новый год... — Она немного запнулась, вильнула взглядом, а потом все-таки пояснила: — Просто как бы вам это объяснить... Я пела.

— В каком смысле «пела»?

Она помялась, а потом смущенно сказала:

— Вы понимаете, я же актриса...

— Знаю, — сказал я. — В интернете посмотрел — вы замечательная актриса. Так что то, что вы пели, — это прекрасно. Но почему же вас не было здесь? Мы подарки привозили и хороводы водили.

— Мне рассказывали. Они до сих пор вспоминают. — Она с мягкой улыбкой чуть пожала плечами. — Понимаете, какая

ситуация... Я же продала свою квартиру, и вырученной суммы мне вполне хватает на пожизненное содержание здесь. Это с учетом того, что я люблю комфорт и предпочитаю не делить комнату с другими. Понимаете?

— Ну, это вполне логично и нормально, — одобрительно сказал я. — С возрастом даже родные люди порой раздражают, особенно когда нездоровится. Что уж говорить о посторонних. И, конечно, хочется иметь свой угол, где тебя никто не тронет и не увидит.

— Вот и я так считаю, — согласилась она. — Но, понимаете, хоть этих денег мне и хватает, я ведь женщина, у меня есть определенные запросы и милые радости. То мне халвы захочется, то новый кружевной воротничок, то красивую фарфоровую чашку с голубыми цветочками. Люблю я все такое. Что нам уже в таком возрасте осталось? Разве что потакать вот таким своим слабостям...

— И здесь я вас вполне поддерживаю, — сказал я, вспомнив свою любимую чашку и то, с какой страстью Белла собирала милые безделушки — фарфоровые фигурки и прочую сувенирную мелочь, — расставляя все это добро по полкам и шкафам. — Это вполне нормально.

— Только стоит недешево, — сказала она. — Понимаете...

Я понимал.

— И поэтому вам приходится петь? — сообразил я.

— Ну да. Ротозеев часто отправляет меня как певицу на

корпоративы своих знакомых или просто нужных людей. Я хорошо пою, голос вполне сохранился, и меня с удовольствием приглашают на подобные мероприятия. А я довольна. Пусть хоть десять-пятнадцать процентов попадает мне в руки — но эти полторы-две тысячи тоже ведь лишними не бывают. А на новогодние, рождественские, на Восьмое марта ставка еще вдвое поднимается. Вот за этот Новый год я заработала пять тысяч...

— То есть вы хотите сказать, что всю ночь пели и заработали пять тысяч? — еле сдерживаясь, спросил я.

— Ну да. Ведь Ротозееву тоже нужно и отвезти меня, и одеть, и самому одеться — он же, как агент, находит людей, которым это интересно. Ну и вот... А я им тогда пела романсы — старинные, народные, больше белогвардейские. Я всегда их очень хорошо исполняла, с юности...

Она еще что-то говорила, говорила, а меня словно током прошибло. И тут она сказала:

— Но не думайте, я же не одна езжу. Вон Исаак Маркович тоже со мной. — Она кивнула на сухонького старичка: тот стоял у стола с чашкой чая и с наслаждением ел рогалик.

— А он что, тоже поет?

— Нет, он сам пишет юмористические фельетоны и рассказывает их. Представляете, в таком возрасте у него замечательная память, он наизусть это все помнит. Людям очень нравится, они всегда смеются. Но, конечно, больше трех фельетонов он рассказать не может, поэтому и зарабатывает

вполовину меньше моего. Ну, даже тысяча для него — это очень хорошо, он много курит, ему как раз хватает на сигареты.

Я чуть за сердце не схватился. Получается, Ротозеев сдает талантливых стариков на корпоративы, а деньги кладет себе в карман? Эксплуатирует пожилых людей?

— Вы говорите, десять-пятнадцать процентов? — пораженно сказал я.

— Ну, не всегда десять-пятнадцать, может, иногда и чуть меньше, смотря сколько номеров просят, — почему-то заюлила она.

— Сколько Ротозеев взял себе за этот Новый год? — напрямик спросил я.

— Ну, я думаю, тысяч сорок... — вздохнула она. — А может, и больше.

«Обалдеть», — подумал я. Ему — сорок, ей — всего пять, а она, вместо того чтобы праздновать Новый год, в таком возрасте всю ночь пела романсы.

— Простите, а чем еще промышляет Ротозеев? — вкрадчиво спросил я. — Кроме того, что возит вас петь на корпоративы?

— Ну, много чем. Вон, например, Кирилловна и Филипповна — руки золотые, вяжут платья ирландского кружева. Вы же представляете, сколько стоит одно такое изделие? Ну и вот...

— И он тоже все забирает себе?

— Да ведь сами смотрите: он предоставляет им нитки, бусины, крючки, все вот эти доски, специальные манекены, он находит клиентов, делает рекламу... — неуверенно перечислила она и запнулась. — В общем, где-то они, конечно, имеют больше, но одно платье ирландского кружева полгода делают.

— И сколько же конкретно они имеют?

Она задумалась:

— Как-то Кирилловна говорила, в прошлый раз восемь тысяч пятьсот получила.

Я едва не задохнулся от возмущения. Я знал, сколько стоят такие платья: у Беллы было одно, еще в те времена, несколько лет назад, и обошлось оно тысяч в сто шестьдесят, а то и больше. Сейчас они и того дороже. То есть эти милые старушки полгода вяжут тонюсенькими крючками ирландское кружево, мотив за мотивом, потом иголками собирают все в платье — а Ротозеев его продает и кладет деньги себе в карман. А старушкам сует какие-то копейки — на мармелад да на крем для рук. Это же просто ужас!

— Что еще? — отчетливо скрипнули у меня зубы.

— Нет, нет, нет! — замахала руками актриса, увидев выражение моего лица. — Я и так вам уже чересчур много рассказала. Дальше я молчок!

— Достаточно, — сказал я и решительно направился обратно в кабинет. Больше сомнений в том, правильно ли мы поступаем, у меня не было.

— Это безобразие! Вы еще пожалеете! Вы не имеете права! Меня оклеветали! — верещал, брызгая слюной, Ротозеев, когда я открыл дверь. Ему что-то пытался доказать Терновский, но директор впал в истерику и никого не слушал.

— А ну тихо! — рывкнул я, все еще под впечатлением от рассказа Зинаиды Германовны.

От неожиданности Ротозеев заткнулся на полуслове, из него словно воздух выкачали.

— «Не виноват»? Что ж, возможно, мы ошибаемся.

— Вот! — аж подпрыгнул Ротозеев. — Я всегда считал вас разумным человеком.

— Подождите, — оборвал его я. — Давайте поступим иначе. Может, действительно мы ошибаемся. — Я проигнорировал изумленный взгляд Карасева и задумчивый — Капитолины Леопольдовны. — Поэтому давайте-ка сейчас выйдем в холл и спросим у стариков. Пусть они сами скажут.

— Что?! Что вы такое говорите?! Я никуда не пойду! — возмутился Ротозеев. — Вы не имеете права!

Но Прохор Евграфович схватил его за шкурку и, легонько подталкивая к выходу, поволок в холл. Мы все устремились следом.

Когда мы появились в зале, старики уже разделили рога-лики и пили чай, радостно переговариваясь. Актриса задумчиво стояла у окна, барабана пальцами по замерзшему стеклу, и о чем-то размышляла — возможно, уже жалела, что все мне рассказала.

— Уважаемые товарищи! — громко, на весь холл, сказал я.

Какой-то старичок одобрительно кивнул — советское прошлое было у всех, и такое обращение им нравилось.

— Прошу буквально минуточку внимания! Сейчас перед нами стоит ваш директор. И он утверждает, что вас не обижает и ко всем прекрасно относится. Поэтому я попрошу вас: глядя ему в лицо, пусть каждый скажет все, что о нем думает. Наша комиссия должна разобраться, действительно ли мы оклеветали человека, считая, что он не дает вам нормального питания и лишает праздников. Скажите сами!

Старики подхватились с мест и плотным кольцом окружили нас.

— Да он обманывает вас!

— А меня на мою надбавку за ветерана труда облапошил!
— воскликнула старушка, гневно потрясая сухеньким кулачком.

— А меня летом на рыбалку не отпустил! — проворчал какой-то дед.

— У меня уже два раза всю пенсию забрал! Я хотел двоюродному племяннику на рождение ребенка послать немножко — а он не дал даже трех тысяч! — пожаловалась еще одна старушка.

— А я...

— И у меня!.. — полетели со всех сторон возмущенные крики.

Я слушал это, и волосы шевелились у меня на голове. Столько прегрешений — вроде и по мелочи, но над кем? Над беззащитными стариками! У которых всей радости-то — редкий поход на рыбалку да новый носовой платок.

— И у нас в столовой нет рыбного дня! Вместо этого постная каша в четверг! — наябедничал сутулый дедок. — А я рыбу очень люблю! Но не помню, когда и ел.

— И мясо у нас очень редко бывает, — свирепо сказала низенькая старушка в платке.

Я кивнул своим мыслям — по состоянию этих людей и без анализов видно было, что белка они недополучают.

— А еще он нам видик не дает смотреть! Говорит, электричества много уходит! — закричала другая старушка. — А я из дома привезла свой любимый видик, мне покойный муж еще в двухтысячном подарил! И у меня двести кассет с индийскими фильмами! Про Зиту и Гиту и про Джимми! А он не разрешает, говорит: смотрите телевизор. А что там сейчас показывают — ерунду только!

— А нам не разрешил кошку во дворе кормить! — опять неслись обиды стариков. Они припоминали все, каждую мелочь — даже оторванную пуговицу, взамен которой не дали новой.

Одна особенно бойкая старушка настолько разохотилась, что подскочила к Ротозееву и гневно в него плюнула. Это послужило сигналом: старики начали подходить и тыкать его сухонькими кулачками, плевать и грозить разными нехо-

рошими словами. Если бы не Прохор Евграфович с парнями, мне кажется, они бы Ротозеева на месте разорвали.

Его затащили обратно в кабинет — бледного, перепуганного. Директор вытирал лицо платком, комкая его в трясущихся руках. Глаза у него бегали. В том, что он виноват, сомнений больше не оставалось.

— Так, — сказал Карасев, с презрением глядя на Ротозеева. — Собирайся и уходи.

Без пяти минут бывший директор ошалело уставился на него.

— Ты здесь больше работать не будешь, — тихо говоря каждое слово, сказал Карасев. — Община считает, что ты плохо относишься к нашим старикам. Мы тебе их доверили — а ты вот как! Зато сам икру жрешь, скотина. Пошел вон!

— Да вы, да вы... — забормотал Ротозеев.

— Это только начало, — со скрытой угрозой добавил Терновский; вся эта сцена его потрясла. — Мы еще перепроверим показатели здоровья у всех пациентов этого дома престарелых и подадим на вас в суд.

— Руки коротки! — вякнул Ротозеев, но прозвучало это неубедительно.

— У нас, если что, и юрист рядом, — поддержала жениха Маруся, кивнув на Наиля, потом посмотрела на Еву и добавила: — Точнее, два юриста.

Ева улыбнулась — ей это понравилось.

В общем, очень быстро Ротозеев сообразил, что сопротив-

ляться бессмысленно.

Карасев посмотрел на него и сказал:

— Сроку тебе — неделя. Потому что праздники. Чтоб через неделю духу твоего на территории Моркинского района не было!

— Ну как же, у меня семья, дом...

— Дом у тебя до завтра купят, — сказал Карасев. — За это не беспокойся, и цену дадут нормальную. Мы не обманываем и не наживаемся. Но видеть тебя здесь не желаем — ни тебя, ни твою семью. Все.

Сказав это, он кивнул мне на прощание и молча вышел из кабинета. Ротозеев сидел за столом, обхватив голову руками, и слезы текли у него по щекам. Видимо, осознал наконец, что за серьезная сила этот Карасев. Поняли это и все наши — и прониклись.

А возвратившись в санаторий, мы обнаружили возле забора группу людей и большой фургон. Охранник стоял и виновато разводил руками, что-то пытаясь объяснить. Я подошел поближе:

— Что такое?

— Сергей Николаевич, — сказал дядя Юра. — Я вам звоню, звоню и дозвониться не могу.

Я удивился, полез в карман — и правда, телефон разрядился. За всеми переживаниями и не заметил.

— Извините, телефон сел. Так что тут у вас случилось?

— Да вот приехали, говорят, что привезли груз. А мне

никто ничего не сказал. Вы мне не говорили, вот я и не знаю, что делать. Вам звоню, звоню...

— Мы из Казани, — сказал рыжеватый мужичок. — Фирма «Казань-Логистик», привезли вам сейф. Распишитесь и примите товар. Куда грузить?

— Какой еще сейф? — удивился я.

Пока я разговаривал, из остальных машин повыходили все и окружили нас.

— Что за сейф? — переспросил я.

— Ой, Сергей Николаевич! — охнула Ева. — Это я заказала.

— Зачем? — Я даже растерялся: у нас не настолько много денег, чтобы заказывать такой огромный сейф — он был размером почти с холодильник.

— Ну, для вашего порошка, — тихо пояснила она.

Я невольно восхитился: какая же она молодец, умница! «Вазорелаксин-икс» стоял у меня в запертой комнате. Но если те трое придурков сумели залезть во флигель, то, узнав об эффекте порошка, найдутся и другие желающие — взломают любую дверь. А так, в сейфе, его никто не достанет.

— Отлично, — одобрил я и велел охраннику: — Открывайте ворота! Кстати, погрузка оплачена?

— Оплачена, — с тяжелым вздохом сказал один из мужиков и скривился: сейф и впрямь был неподъемный.

— Ну так выполняйте, — сказал я с улыбкой. — Несите в тридцать шестой кабинет, это на втором этаже. Япар, покажи

куда...

А через двадцать минут мы все собрались в этой комнате: я, Терновский, Александра Ивановна, Самарцев и даже Маруся. Она была бледная и то сжимала, то разжимала пальцы — очевидно, ей сделалось не по себе. Райка сидела на краю кушетки, уже настроившаяся. Плечи ее были опущены, как и уголки губ. Пальцы слегка подрагивали.

— Раиса Васильевна, спрашиваю в последний раз, — мягко сказал я. — Вы точно решили? Еще не поздно передумать. Мы предупреждали: риски могут быть какие угодно.

Она вскинула на меня полные боли глаза.

— Сергей Николаевич, — хрипло сказала она. — А для меня и выхода другого нету. Или сопьюсь и стану овощем, или что-то пойдет не туда с этим порошком. Но тут хоть есть шанс, что все будет хорошо, как у тех мужиков. А там уже никакого шанса нет, теперь я это понимаю очень хорошо.

Я вздохнул. Маруся забрала у Райки расписку о том, что та предупреждена о возможных рисках. Самарцев протянул ей мерный стаканчик с разведенным порошком «Вазорелаксина», а Александра Ивановна подала стакан воды, чтобы запить. Маруся отвернулась к стенке, стараясь не смотреть, губы ее дрожали.

Раиса взяла стаканчик, выпила и прикрыла глаза.

Мы все затаили дыхание. Проходила секунда, две, три... Райка сидела, и на лице ее не двигался ни один мускул. «Господи, неужели превратилась в овощ?» Видимо, такая мысль

возникла не только у меня, а у всех наших, потому что Самарцев и Сашуля быстро переглянулись и опустили глаза. У меня сжалось сердце, и я уже прикидывал, что скажу ее сыну Борьке и как буду потом смотреть ему в глаза.

Но тут Райка выдохнула и посмотрела на нас нормальным, осмысленным взглядом.

— Ну, как ты? — озабоченно спросил Терновский, не выдержав первым.

Она пожала плечами, посмотрела удивленно и сказала:

— Да нормально, как и было.

— Ты что-то чувствуешь?

— Да нет вроде... чуть-чуть изжога мучает. Ну так это с утра: поела жареных беляшей. А так все нормально.

Мы просидели возле Райки еще часа три. Говорили о всяком, спорили о дальнейшей судьбе Ротозеева, возмущались его отношением к старикам, прикидывали, что делать дальше. А Райка все это время сидела, слушала нас с живым интересом — и хоть бы что.

Наконец мы разошлись. По графику первым сегодня дежурил Самарцев — полтора часа, а потом его сменял я. А пока ушел к себе и лег: хоть эти полтора часа подремлю. Вымотался за день так, что сил уже не осталось.

И только-только я смежил веки, как меня разбудил крик: — Священная роща горит!

Глава 6

Даже не помню, как накинул пуховик: перед этим я упал одетым буквально на часок, поэтому обулся не глядя и торопливо выскочил наружу, позабыв даже о шапке. На морозе меня встретил густой едкий запах дыма и взволнованные голоса вдали.

Недолго думая, я со всех ног побежал туда, где кричали. Ледяные иглы воздуха врывались в грудь вместе с едкой гарью, мороз кристаллизовал этот дегтярный смог, царапал горло и вызывал кашель, который выворачивал наизнанку и превращал каждый вдох в пытку. Единственная мысль билась в голове: что же теперь будет?

И тут навстречу мне выскочил Сарман.

— Где горит? — крикнул я, не сбавляя скорости. — Сильно?

— Да успокойтесь, уже все потушили, — с облегчением отмахнулся он. — Можно возвращаться.

Но я все равно пошел на запах гари. У незримой границы, которую мне когда-то показал Япар и которую мы по негласной договоренности никогда не пересекали, толпились люди. Собрались наши санаторские: из женщин были только Маруся, Танюха и беспрестанно причитавшая тетя Нина, вдали мелькнула серая шаль Тайры Терентьевны, а так — одни мужики. Кроме Самарцева — я вспомнил, что он сейчас возле

Райки.

— Что происходит? — спросил я.

— Уже все потушили, — повторил слова Сармана Япар.

— Сергей Николаевич, не беспокойтесь.

— Это же поджог? Поджигателя нашли?

— Поджог, — кивнул он, затем обвел нас всех взглядом и сказал с мрачной уверенностью: — Найдем.

Я хмуро покачал головой и с замиранием сердца задал главный вопрос:

— Много выгорело?

Япар снова вздохнул:

— Несколько деревьев обгорели, а так, в принципе, площадь небольшая. Хорошо, Томай заметил.

Я не стал уточнять, что делал Томай ночью в священной роще. Дежурил он там, что ли? Получается, кто-то из общины постоянно тут дежурит? От центрального корпуса санатория до этого места идти было неблизко — где-то около полукилометра.

— Хорошо хоть погасили, — сказал я просто для самоуспокоения.

— Да все нормально, давайте расходиться, — устало отозвался он и, глядя измученными глазами, тихо добавил: — Потому что не надо здесь быть...

«Духи», — подумал я, но вслух комментировать благоразумно не стал.

Оживленно переговариваясь, мы вернулись обратно. По

дороге я спросил Япара:

— А вы следы не смотрели? Может, остались? Человек, который поджег этот участок леса, мог прийти со стороны санатория?

— Не мог, у нас все-таки закрытая территория, — ответил Япар.

Но я тут же вспомнил про блогеров, перелезших через сделанный Элен снежный заборчик: они легко попали на территорию, так что сюда мог зайти кто угодно. Черт, пусть только кончится эта зима! Как сойдет снег, первым делом протяну здоровенный забор, желательно под два-три метра высотой. Чем выше, тем лучше.

«И колючую проволоку сверху наматаю в три слоя, чтоб уж наверняка», — мстительно подумал я, понимая, что все это фантазии: тут хоть какой-нибудь бы забор поставить.

Затем мои печальные мысли переключались на то, что об инциденте вот-вот узнает Карасев. А ведь он только сегодня говорил о сохранности и особом статусе священной рощи, так что будет со мной то же, что случилось с Ротозеевым... В общем, шел я в расстроенных чувствах.

Блин, только-только начало тут все обустриваться, вроде так неплохо закрутилось — еще не скажу, что на сто процентов, но уже более-менее. И тут на тебе: какая-то скотина подожгла священную рощу. Ну чем ему эти несколько деревьев мешали?

И тут меня словно обухом ударило. Поджог был направ-

лен именно против меня! Кто-то явно знал о наших договоренностях с Карасевым, о том, что он поддерживает меня и санаторий в обмен на обеспечение сохранности священного места. А если рощу сжечь, то и договоренности наши превратятся в пепел. Я чуть не остановился, но в последний миг пошел дальше.

— Вот же скоты, весь санаторий ведь мог загореться! — причитала тетя Нина, все никак не приходившая в себя. — Это же надо: ночью, перед самыми рождественскими праздниками поджечь! Ну как так можно? Что за люди такие?!

— Надо полицию вызвать, — мрачно сказала Маруся.

Я подумал, что только полиции здесь и не хватало, да и что они в праздничные дни тут сделают.

— Сами разберемся, — буркнул Япар и пояснил мне: — Мы, когда увидели огонь, бросились тушить, на следы особо не смотрели, хотя надо было. Но, сами понимаете, первая мысль была спасти главный священный дуб, вокруг которого вся эта суета. Хорошо, успели...

Остаток ночи, пока я дежурил около мирно спящей Райки, мы с Япаром шепотом обсуждали, что делать и где ловить поджигателя. Ведь он не успокоится, это стопроцентно.

А утром, после завтрака, решив выделить полдня на решение зависшего с прошлого года вопроса, я поймал Венеру и спросил:

— Ну что, едем в Йошкар-Олу?

Ее брат Тимофей, бывший «лежачий инвалид», который

пропал, но потом обнаружился в Йошкар-Оле, сошелся с женщиной значительно старше него, у которой есть трое детей. Венера хотела съездить и убедиться, что брат в порядке, а не в рабство попал.

Однако сейчас от этого вполне простого вопроса она вся как-то съежилась.

— Что не так? — спросил я.

— Вы же говорили, после праздников поедем, — сказала она и отвела взгляд.

Причина ее нерешительности была понятна: за брата она переживала страшно, но, узнав, что он устроился в какой-то семье, внутренне примирилась и успокоилась. А сейчас банально боялась встретиться с ним лицом к лицу, натолкнуться на скандал, получить новую душевную рану и жизнь, перевернутую с ног на голову.

Она вздохнула и посмотрела на меня полными мольбы глазами.

— А может, все-таки после праздников, Сергей Николаевич?

— Венера Эдуардовна, — строго сказал я. — После праздников мне надо ехать в Москву. Поэтому вопрос ваш пора решать, и ехать надо именно сейчас.

— Ну, а если он...

— А что он?

— Вдруг он уехал?

— Он наверняка дома, с детьми. Может, на какой-нибудь

каток пошел или еще куда-то. Праздники люди обычно проводят дома, если, конечно, не уезжают к родственникам или за границу, например на море. Думаю, денег на море у него нет, да и паспорта заграничного тоже. Поэтому, скорее всего, он у этой женщины дома. Или же поехал к ее родственникам. Но узнать об этом мы сможем только на месте. Все равно Наилю нужно порешать кое-какие вопросы в Йошкар-Оле, и Еве тоже, так что мы туда сейчас поедem в любом случае. Советую присоединиться.

— Но я... — Она замялась, видно было, что ей и хочется, и колется.

— Я поеду с тобой, — вдруг решительно сказал Елисей, который стоял неподалеку и все прекрасно слышал.

— Не надо! — вскинулась она.

— Надо! — внезапно проявил твердость Елисей. — Познакомлюсь с твоим братом. Все-таки будущие родственники.

Я ошалело помотал головой. Ну ничего себе, как быстро у них развиваются отношения! Но, с другой стороны, почему бы и нет? Оба уже не дети, перенесли достаточно тяжелые удары судьбы, и подставить друг другу плечо в таком случае было бы только правильно.

Решив, что это нормально, я кивнул ребятам и сказал:

— Хорошо, едем вместе.

При этом я видел, что Наиль относится к этому новому союзу ревниво... Как бы не наломал дров. Да и Ева — но

не в том смысле, что ревновала к одному или другому, а в том, что у нее с Сашкой ладилось не так быстро. Оба все еще держали дистанцию и изображали ледяную холодность, не переходя дальше деловых отношений. Хотя я периодически замечал их то там, то тут, и каждый раз они обсуждали какие-то бумаги: то поставку оборудования, то смету на замену насоса, то еще какую-то ерунду. Ни о чем таком, о чем говорят ровесники, у них и речи не было: ни смешков, ни обсуждений музыки или фильмов.

«Ну ладно, пусть все идет, как идет», — подумал я в который раз.

— Так что собирайтесь, Венера Эдуардовна, выезжаем прямо сейчас, чтобы успеть по своим делам.

— Хорошо, — со вздохом кивнула она.

Элен тоже порывалась поехать с нами, но я без обиняков напомнил ей про жесткий санаторный режим и велел не рисковать.

После недолгих сборов мы уселись в машину и отправились в Йошкар-Олу. За рулем был Наиль, а рядом сидела Ева. Наиль приглашал меня вперед, но я нарочно выбрал заднее сиденье, чтобы дать им побыть главными: сам же ехал просто пассажиром. Рядом со мной устроился Елисей, а у дверцы — Венера.

Тетя Нина перед отъездом сунула мне в руки огромный список необходимых вещей, которых, по ее мнению, больше нигде на планете не купишь, только в Йошкар-Оле. Поэтому

му после всех дел нам предстоял длительный и тягостный променад по магазинам. В багажнике лежала еще и сумка с подарками для детей — конфеты, пряники, всякие шоколадки. Это хитрая Элен сунула в последний момент и сказала:

— К детям с пустыми руками приходить негоже. Да и Венера едет к будущей невестке, может, они уже и поженились, а если просто сожительствуют — тоже надо хоть что-то подарить. Тем более в первый раз в дом. Так что вам нужно еще заехать в магазин и купить что-то. Так положено.

На том и порешили, а по дороге Ева сказала, что знает хороший магазин, где можно взять красивый комплект посуды: и не с пустыми руками, и не сильно потратиться. Венера с радостью согласилась, а потом всю дорогу молчала, переживая про себя эту ситуацию.

У частного сектора, возле нужного дома, Наиль оставил нас с двумя коробками: с гостинцами для детей и посудой — и, прежде чем уехать, смущенно спросил:

— Вам помочь?

При этом он незаметно бросил быстрый взгляд на часы. Но я увидел и покачал головой.

— Да нет, зачем? Сами справимся. Не думаю я, что он нас сразу всех тут убивать будет.

— Ладно, если что, звоните, — кивнул Наиль, а Ева неодобрительно зыркнула на него и покачала головой. Ей явно не хотелось бросать нас одних, но и встречу пропускать было нельзя.

— Вы же скажете, когда за вами приехать? — спросил он. Я махнул рукой, показав список тети Нины.

— После этого мы возьмем такси и поедем закупаться, а уж когда все найдем, созвонимся, и ты нас забереешь по дороге домой, если задержишься, — сказал я. — Не забудьте где-нибудь пообедать, потому что мы в том же торговом центре и поедем, я надеюсь.

На том и порешили. О том, что новая семья Тимофея будет кормить нас разносолами, я даже не думал.

Когда они уехали, мы втроем: я, Венера и Елисей — остались на дороге.

— Ну что ж, идемте, — сказал я и первым зашагал к нужному дому.

Калитка и передняя часть забора были собраны из плотно подогнанных досок, а вот чуть дальше шли ажурные секции, и через них просматривалось все, что происходит во дворе.

— Ничего себе! — услышал я сзади восклицание Венеры, обернулся и увидел, что она остановилась и в ошеломлении рассматривает двор.

Я тоже взглянул в том направлении и обнаружил во дворе Тимофея: он огромной лопатой чистил дорожки от снега. Рядом крутился невысокий пацан, тоже ковырял снег лопаткой, больше мешая, чем помогая. Тимофей что-то сказал, пацан радостно рассмеялся, что-то выкрикнул в ответ, подпрыгнул, скатал снежок и кинул ему в спину. А тот засмеялся, тоже слепил маленький снежок и метнул в ловко увер-

нувшегося пацана. Так они и дурачились, весело переклика-
ясь и бросаясь снежками.

Тот Тимофей, которого я помнил по Чукше, и мужчина, представший перед моими глазами сейчас, были двумя совершенно разными людьми. Так что я сперва даже подумал, что, возможно, ошибся. Точнее, Наиль ошибся.

Но Венера сразу опознала в нем своего брата и направилась к воротам. Она уже не сомневалась.

Открыв ворота, она остановилась в проеме и воскликнула:
— Тимофей!

Несколько секунд стояла такая тишина, что я даже испугался, а потом услышал совершенно счастливый крик:

— Венерка, сеструха приехала!

И, к моему изумлению, он бросился к ней, подхватил на руки и закружил в объятиях.

— Вот это да, — пробормотал я себе под нос. — Если бы не видел его раньше... Даже не знаю, как это все комментировать.

Но Елисей услышал.

— Я тоже от Венеры слышал много... всякого, — смущенно сказал он, намекая на недостойное поведение ее братца.

— Ну так идем, — кивнул я на ворота, и мы тоже вошли во двор.

— Здравствуй, Тимофей, — громко сказал я.

Он зыркнул на меня, но, что удивительно, взгляд враждебным не был.

— Не помешаем? — спросил я. — Хотел убедиться, что у вас все нормально с Венерой Эдуардовной.

— Да что вы, какое помешаем! — широко улыбаясь, он отпустил Венеру, которая счастливо прижималась к его груди. — Сто лет сеструху не видал.

— Ой! Да месяц всего прошел, — хмыкнула она. — Со всем потерялся и не звонишь даже.

— Да я это... — густо покраснел он, — я же тогда со злости телефон выбросил, у меня ни номера не осталось, ничего, позвонить все как-то не выходило...

Он опять смутился, помолчал, а потом честно сказал:

— Да и неудобно мне было. Я как подумаю, что вел себя как последняя сволочь. Хорошо, Маришка попалась — в руки меня взяла. Ты ж, Венерка, хоть и заботливая, но такая тютя-матютя, что я у тебя на шее сколько ездил: и тебе жизнь портил, и себе. А Маришка меня быстро в чувство привела. Поговорили, то да се... многое она мне за жизнь объяснила.

Он мечтательно улыбнулся и радушно сказал:

— Да вы заходите в дом, чаю попьем, холодно нынче. А ты, Ефимка, чайник для дорогих гостей поставь и беги давай к мамке, скажи, что у нас гости: сеструха моя приехала и доктор Епиходов, и еще он... — Тимофей посмотрел на Елисея, тот смутился, а Венера вдруг твердо сказала:

— А это Елисей...

Сделав паузу, добавила:

— Мой жених.

— Ого! — заржал Тимофей и, протянув руку Елисею, крепко, по-мужски ее пожал. — Ну, тогда привет, будущий родич. Как это ты Венерку так охмурил? Сколько к ней мужиков и парней из Морков и Чукши подкатывало, а она ни в какую!

Елисей не успел ничего сказать: Тимофей, даже не дожидаясь ответа, радостно потащил нас в дом.

К моему удивлению, внутри было, как говорится, бедненько, но чистенько. Везде царил полный порядок. Посреди комнаты, совмещавшей столовую и кухню, стоял длинный стол, покрытый чистой, хоть и не новой клеенкой в цветочек. На ней уже ждали выставленные Ефимом чайные чашки, глубокая суповая миска с печеньем и сахарница.

— Чайник поставил, — довольным голосом сказал парнишка.

— Кстати, мы тоже не с пустыми руками, — сказал я, видя, что Венера пребывает словно в кататоническом ступоре. — Сколько тут детишек у вас?

— Трое, — широко улыбнулся Тимофей, а потом чуть смущенно добавил: — Ну, и четвертого хотим. Работаем над этим, в общем.

— Да ты что! — всплеснула руками Венера, и слезы радости выступили у нее на глазах. — Так я, может, скоро стану тетей?

— А то! — гордо сказал Тимофей.

— Ну, пока трое, вот и подарков мы взяли на троих, —

сказал я и кивнул Елисею: — Доставай.

Тот вытащил пестрые пакеты со сладостями, заботливо приготовленные Элен, и вручил их Ефиму.

— Я не знаю, где все остальные, но ты потом разберешься, — сказал он.

Мальчишка просиял, смущенно буркнул «спасибо» и уискал к себе в комнату — видимо, проверять, что же там за подарки такие.

— Ну, садитесь, — пригласил нас к столу Тимофей.

— А это вам в дом, — смущенно сказала Венера и протянула коробку с посудой.

— О, Маришка обрадуется, у нее эти тарелки только так бьются, — засмеялся Тимофей, принимая подарок и пристраивая его рядом на столе. — Она как посуду моет, так какую-нибудь тарелку обязательно разобьет. Вот такая вроде и хорошая жена, а в этом плане рукожопая ужас, поэтому посуду я сам мою, я хозяйственный.

Минут через пятнадцать прибежала и вышеупомянутая Маришка. Это оказалась полненькая низенькая женщина с таким мощным командным голосом, что невольно хотелось встать по стойке смирно. Сразу понятно было, как она умудрилась взять Тимофея в руки. Они познакомились с Венерой и моментально друг другу понравились.

Когда мы допили чай, я не удержался и спросил:

— Как это вам удалось Тимофея так к рукам прибрать?

— А что, — пожала плечами она. — Я, знаете, сколько

помыкалась? У меня-то своих трое пацанов. Два мужа было. Один погиб, на рыбалке утонул, а второй бросил меня, к бабе помоложе ушел. И как тяжело поднимать их троих самой! А тут такой мужик, и бесхозный... да, немного такой он... эм-м... — Она посмотрела на наострившего уши Тимофея и дипломатично закончила: — Но в целом незлой. А мне где трое, там и четверо. Вот так и живем. А Тимоха хороший мужик. Просто несчастный. Сейчас все мне помогает, на работу пока не устроился. Но мы ему уже подыскали место, правда, будет оно недели через три. Ждем, пока Петрович уйдет на пенсию, вот сразу Тимоху туда и возьмут. Он уже и медосмотр прошел.

— А что за профессия, что за работа? — заинтересовался я.

— Да у нас на продуктовой базе помощником завскладом, — с гордостью сказала Маришка. — Работа сытная, хорошая, и всегда в тепле, плюс копейка неплохая в дом, да еще с продуктовым прибытком. Правильно, Тимофей, я говорю?

Он приосанился и важно кивнул — ему нравилась новая роль главы семьи.

Потом Венера с Маришкой ушли в другую комнату якобы помыть чашки, а на самом деле потрещать о своем, о девищем, мы же с Елисеем и Тимофеем остались втроем. Перебрались в зал на диван и стали ждать, пока девчонки закончат разговаривать. Наиль написал сообщение, что все у них закончилось быстрее ожидаемого и будет он уже через два-

дцать минут. Оставшееся время мы решили употребить на разговор.

— Ну что, доволен жизнью? — спросил я Тимофея.

Он посмотрел на меня и кивнул:

— Очень. Вы знаете, я же тогда из Чукши с таким злом уходил. Вы же мне всю жизнь переломали. И я решил переломать вашу. Добрался до Йошкар-Олы и понял, что дальше не знаю, что делать. Запал злости ушел, жрать хочу — капец прямо. Телефон потерял, денег нету. И че дальше делать, не знаю. Хорошо, ломанулся в первый попавшийся ларек. А там как раз Маришка была. Она знакомую подменяла и дала мне выпить горячего чая в пластиковом стаканчике, так и разговорились. Слово за слово, взяла меня к себе. Сначала я у нее в пристройке жил, помогал, чем мог. А потом так постепенно и слюбились. Я и остался. Очень доволен, что мне судьба Маришку подарила, и дети у нее хорошие, теперь вот мои. И так здорово, что я тогда ушел из Чукши. Ведь я и себе жизнь сломал, вы правы были, потому что это не жизнь, когда ты сутками лежишь на диване. Как тот Емеля из сказки. Да и Венерка что, кроме меня, видела? А так хоть, вишь, кавалера себе завела.

Он глянул на Елисея и кивнул:

— А ты, парень, смотри мне, Венерку не обижай. Я хоть и пропащий, но сестру в обиду не дам.

Потом повернулся ко мне и заржал:

— Только я один имею право ее обижать!

Елисей тоже улыбнулся, оценив шутку. Мы перекинулись еще парой фраз, а когда уже уходили, Тимофей, провожая меня к машине, тихо сказал:

— Простите меня, пожалуйста, Сергей Николаевич, за мое поведение.

— Прощаю, — кивнул я.

На том и расстались. Усадили зареванную Венеру в машину и, игнорируя вопросительные взгляды Евы и Наиля, отправились по магазинам, а потом обратно в Морки.

До санатория добрались уже в темноте, а на последнем повороте, где дорога уходила в лес, Наиль сбросил скорость и негромко спросил, вглядываясь в лобовое стекло:

— Сергей Николаевич, а это у нас что впереди?

Поперек колеи, уткнувшись капотом в сугроб, стояла старая «Нива» без номеров, и в свете наших фар от нее уже шли люди. Пятеро.

Наиль потянулся за телефоном, но тут же дверь с его стороны рванул здоровый парень в распахнутой куртке, с ходу врезал юристу по лицу, и телефон улетел в снег. Меня молча выдернули с заднего сиденья за воротник, следом выволокли дезориентированного Наиля.

Елисей вышел сам, встав перед Венерой. И только Ева успела захлопнуться в машине изнутри — я слышал, как щелкнули замки.

Впереди всех, покачиваясь на широко расставленных ногах, стоял... Витек. Тот самый бывший Райкин уголовник,

который, по идее, должен был уже мотать срок. Но, видимо, что-то не срослось.

За то время, что мы не виделись, он высох, и в свете фар лицо его отдавало нездоровой желтизной.

— Здорово, доктор, — хрипло сказал он. — Ты, тварь такая, у меня Райку забрал. И сына забрал. Думаешь, тебе все можно? А вот хрена с два!

Стоявший рядом с ним низенький мужичок с синими перстнями на пальцах не сводил глаз с Венеры и, ухмыляясь, шагнул к ней.

— А бабу твою мы себе оставим, — сказал он и кивнул на Еву в машине. — И ту кралю тоже. Мы, понимаешь, с долгой дороги, соскучились. Не обидим, не бойся, так отласкаем, что еще попросят, гы-гы-гы!

Венера ахнула, вцепившись Елисею в рукав, а тот загордил ее плечом, хотя весил вдвое меньше любого из противников.

— Только рыпнитесь! — рывкнул матерый зэчара с ножом в руке.

Глумясь и насмехаясь, все пятеро поперли на нас...

Глава 7

Бежать было некуда, потому что до санатория оставалось два километра, а Ева в своих сапожках на каблуках не сделала бы по таким сугробам и сотни шагов.

Бросив взгляд на Наиля с Елисеем, я понял, что они мне не помощники, как бы ни хорохорились. Оба едва держались на трясущихся ногах, и только присутствие Евы и Венеры заставляло их как-то собраться.

— Виктор... — сказал я и, оценив его реакцию на свое имя, сменил тон: — Послушай, Витек, это разговор только между нами, зачем вплетать остальных? Отпустите ребят, я останусь.

— Никуда мы не пойдем! — фальцетом выкрикнул Елисей и дал петуха.

Венера вцепилась мне в плечо.

— Никуда они не пойдут, — сплюнул старший. — Девки будут твою вину отрабатывать, а этих, — он кивнул на Наиля с Елисеем, — порежем.

— Витька нам брат! — рыкнул здоровый парень в распахнутой куртке. — Если ты его бабу отбил, тебе и отвечать!

— Да не отбивал я... — раздраженно начал отвечать я, как вдруг осознал, что не слышу сам себя.

Не только себя. Матерый что-то говорил, но я лишь видел, как кривится его рот, выплевывая грязные оскорбления.

Пропал и скрип снега под их сапогами.

Будто весь лес разом замолчал.

Мороз стал крепче, у меня сразу заломило зубы, а дыхание пошло изо рта такими густыми клубами, что я на секунду перестал видеть Витька и его корешей.

И тут звук вернулся.

— Э, мужики... — выдохнул здоровяк, обернувшись. — Гля...

За их спинами между стволами стояли высокие темные люди... нет, не люди, скорее, кто-то, кто пытался быть похожим на людей. У них не было лиц. Да и посчитать их я не мог: то выходило трое, то весь лес до самой рощи оказывался ими заполнен. Они не шли к нам. Просто делались ближе, и снег под ними не скрипел. От них тянуло темным паром, который шел ровными полосами и не поднимался, а стелился по сугробам и заходил в свет фар.

Венера тихо застонала, а Елисей вцепился в ее плечо, отеснил ее себе за спину и застучал зубами.

Я же, как ни силился, как ни фокусировался, не мог заставить Систему их распознать.

— Хозяева... — просипел кто-то из пятерых. — Мужики, это же хозяева рощи!

Низенький с синими перстнями попятился, зацепился за сугроб и сел в снег. Здоровый в куртке заорал матом, путая слова, а матерый зэчара стал часто креститься левой рукой, не выпуская ножа из правой.

— Духи... — выдохнула Венера.

Наиль же прошептал что-то во славу Аллаха.

Я пытался найти объяснение происходящему. Что это? Гипоксия, коллективное внушение или отравление угарным газом? Ничего не подходило, потому что мы были в лесу на свежем воздухе, я видел отчетливо темные фигуры, и Наиль, Венера и Елисей тоже.

Одна из фигур подняла руку. Просто подняла, ничего больше, но вершины сосен качнулись все разом, и на нас тяжелыми лепешками и мелкой пылью сверху пошел снег. Хотя ветра не было вовсе. Где-то хрипло каркнул ворон, заставив всех вздрогнуть.

— Пресвятая Богородица, смилуйся... — забормотал тот, что сидел в сугробе.

Дольше всех держался Витек. Он не крестился и в снег не садился, а только смотрел на лес, приоткрыв рот, и я успел решить, что вот сейчас они развернутся и побегут к своей машине.

Не побежали.

— А-а-а, вот оно чего! — заорал Витек, и его аж перекошило. — Это он, гад! Это он нам глаза отводит, доктор хренов! Он же колдун, вы что, не слышали?! Райку мою приворожил, Борьку... Гипнотизер! Все Морки знают!

— Витек, ты че, какой колдун... — неуверенно возразил здоровый.

— Такой! — заорал распаливший себя праведным гневом

Витек, после чего шагнул ко мне и ткнул пальцем в лицо. — Ты, доктор, кончай нам тут кино показывать! Хорек, вставай, хватит зад морозить!

Хорек поднялся и, отряхивая штаны, посмотрел на лес. Темные фигуры стояли между стволами и не двигались... а потом и вовсе начали растворяться в воздухе.

— Точно! — возликовал Витек. — Говорил же, морок на нас навел, урод!

И тут их первый испуг обернулся умноженной злостью, потому что бояться доктора-колдуна им было как-то запаadlo и теперь его следовало наказать.

— Харэ базлать! — распорядился матерый уже спокойно. — Делаем дело. Девка в машине заперлась, небось уже звонит кому-нибудь.

— Елисей! — сказал я, не оборачиваясь. — Тоже звони Япару и участковому. Короче, кому успеешь.

— Уже пробовал... — мрачно отозвался Елисей.

— Куда он звонить будет, дурилка, — засмеялся Хорек. — Тут связи нет, га-га-га!

У двоих щелкнули выкидные ножи, а пятый вытащил короткую монтировку и перехватил ее поудобнее.

Откуда-то изнутри я точно знал, что из этой передраги мне целым не выйти, уж больно уверенно нападавшие двигались и держали оружие. Самбо против пятерых, да еще с ножами и монтировкой, не пляшет, особенно на открытом пространстве. А эти, похоже, пришли убивать.

Мое сердце пропустило удар, и перед глазами развернулась плашка.

Внимание! Зафиксирована прямая угроза жизни носителя.

Противников: 5. Вооруженных: 3. Готовность к применению насилия: 99,44%.

Вероятность тяжкого вреда здоровью носителя при пассивном поведении: 99,12%.

Вероятность смертельного исхода: 96,62%.

Прогноз продолжительности жизни: 1–4 минуты.

Сердце ускорилося и понеслось в галоп.

— Щас я тебя порежу, жиртрест, — сказал мне Хорек.

С этими словами он, посмеиваясь, начал сближение. Витек, матерый зэчара и остальные занялись Елисеєм и Наилем.

Я не успел ни удивиться, ни испугаться.

Мир мигнул, и воздух стал тягучим, сердце замерло, а дыхание остановилось.

Аварийная расконсервация резерва!

Функциональность Системы повышена до 15%.

Разблокирован боевой модуль контактного противодействия 1-го уровня!

Доступно:

- форсаж скорости и мышечной силы носителя на 50%;
- приоритизация угроз в поле зрения;
- доступ к закрепленным двигательным паттернам но-

сителя;

— анатомическая разметка противника;

— подавление болевой реакции.

Ограничение 1-го уровня: собственные двигательные паттерны не формируются.

Расчетное время работы модуля: 68 секунд.

Хорек шел ко мне очень медленно, и я видел, что вес у него на правой ноге, а нож он держит обратным хватом, низко, но слишком далеко отвел локоть и открыл кисть.

Над ним развернулась разметка с подсвеченными ключицей, локтевым суставом и малоберцовым нервом под коленом. Тело мое при этом стало легким, но в то же время чужим, словно модуль забрал управление им на себя. От меня требовалось только выбрать противника.

«Хорек», — подумал я и в то же мгновение перехватил его кисть с ножом, вывернул наружу и дожал. В запястье ощутимо хрустнуло. Хорек вскрикнул и невольно присел, выворачиваясь вслед за рукой. Пальцы его разжались, и нож остался у меня. Я бросил его в сугроб.

Здоровый парень в куртке, который бил Наиля, успел развернуться, оценить обстановку и прийти Хорьку на выручку. Он резко ударил, но я спокойно ушел с линии, и его кулак просвистел мимо моего уха. Потом я перехватил его руку и резко дожал локоть против сгиба. Сустав глухо щелкнул, и здоровяк очень тонко завизжал, совсем не по-мужски.

Матерый зэчара оказался опытнее. Он не бросился, а стал

медленно обходить меня по кругу, выставив нож вперед и держа дистанцию. Разметка легла и на него, только теперь красным вспыхнула отдельная строка.

Зона запрета. Риск летального исхода: высокий.

Рука сама шла ему в горло, и я ее увел. Не потому, что пожалел, а потому, что видел под кожей все, что там лежит, и знал, чем это кончится для нас обоих. Нож он все же успел пустить в дело: лезвие прошло по моему предплечью и с сухим треском распорол рукав пуховика, из которого сразу полез пух.

Вместо горла я взял его за плечо, развернул и коротко ударил носком ботинка снаружи под колено, по подсвеченной точке у головки малоберцовой кости. Нога у него подломилась. Падая, он выпустил нож и ткнулся лицом в снег.

— Витек, он же не человек! — заорал сидящий Хорек, придерживая руку. — Беги!

Но тот не побежал. Он тяжело и уверенно пошел на меня, растопылив руки, и я его встретил.

От Витька разило спиртным, и реакция у него плыла. Я убрал его руку, шагнул в сторону и уложил его на живот, зажав кисть. Витек дернулся, и я услышал, как в плече у него щелкнуло. Он завыл.

Пятого я потерял из виду.

— Сзади! — крикнул Елисей, который валялся в сугробе. Наиль тоже барахтался где-то там в темноте, вне света фар. Вскрикнула Венера, а я не успел обернуться. Пятый, тот

самый, с монтировкой, зашел мне за спину. Удар пришелся плашмя и вскользь, по верхней части спины. Дыхание у меня перехватило, в глазах потемнело, я мотнул головой и до крови прикусил нижнюю губу. Но модуль работал, и боль пришла не сразу, а с запозданием, глухая и далекая.

Развернувшись, я увидел, что он замахнулся второй раз...
...и промазал, потому что я оказался быстрее, чем он рассчитывал. Монтировка ушла в сугроб, а я взял его за руку и уложил рядом с Витьком.

Тут все и кончилось.

Угроза устранена. Боевой модуль контактного противодействия деактивирован.

Аномальное энергопотребление боевого модуля.

Глюкоза крови: 3,2 ммоль/л. Адренергический тремор.

Рекомендуется принять 15 г быстрых углеводов.

*Повреждения носителя: ушиб мягких тканей спины, рас-
сечение нижней губы, растяжение связок правой кисти.
Угрозы жизни нет.*

Мир вернулся в свою обычную скорость, и меня сразу повело. Ноги перестали держать, ладони затряслись, и я тяжело опустился в снег около воющего Витька.

— Сергей Николаевич! — Елисей подскочил ко мне, встал на колени и полез в карман. — Вам плохо?

— Я норм... — пробормотал я. — Есть сладкое что?

— А? Что?

— Сладкое! — опомнилась Венера. — Сережа, у меня

только это!

Она сунула мне в руку три карамельки, которые, видимо, взяла со стола у Тимофея. Я развернул их трясущими-ся пальцами, отправил в рот все сразу и стал ждать. Через несколько минут стало намного легче и в голове прояснилось.

Тогда я оглянулся на лес. Между стволами никого не было, только пар еще стоял полосами над сугробами и медленно уходил в темноту. Я подошел рассмотреть поближе. Снег в двух местах у самой границы был притоптан широкими плоскими вмятинами, но никаких следов от обуви в них я не разглядел, хотя присел и посветил телефоном.

Ева все-таки дозвонилась.

Первыми, минут через семь, приехали свои. Три машины встали на дороге, не разворачиваясь и не гася фар, и из них полезли мариинцы: сам Япар, Сарман, Томай Батыгин и еще человек шесть с топорами и лопатами. Ножи в снегу они собрали в одну кучу, а лежащих связали, подняли и посадили в ряд у их же «Нивы».

— Живой, Николаич? — спросил меня Япар, присев на корточки.

— Живой, — отозвался я. — Наиля посмотрите, ему первому досталось.

Наш юрист сидел на подножке, зажимая нос платком, и Ева уже стояла над ним и что-то говорила.

Я коротко рассказал Япару, что случилось. Про темные

фигуры между стволами он выслушал молча и без всякого удивления, только кивнул и оглянулся на своих. Сарман сказал ему что-то по-марийски, Томай ответил, и все трое разом посмотрели в сторону рощи. Ни один из них не спросил меня, не померещилось ли.

— Значит, вышли, — проговорил наконец Япар. — Ну, теперь понятно.

— Что вам понятно?

— Потом скажу, — ответил он и поднялся.

Через четверть часа подъехал участковый Гаврилов, а следом, на второй машине, Стас из Чукши, которого Япар выдернул из дома по своим каналам. Стас посмотрел на сидящих у «Нивы» и сплюнул.

— Здорово, Колесников, — протянул он Витьку. — Присил же тебя: сиди дома, не отсвечивай. Ну раз с рук сошло, другой. И чего тебе неймется?

— Как это сиди дома? — не понял я. — Стас, он же недавно с ножом на меня набрасывался, там же уголовное дело было!

Стас снял шапку, потер ладонью лоб и надел ее снова, прежде чем нехотя ответить:

— Было, да кончилось ничем. Постановление о прекращении за отсутствием состава: Богачева заявление отозвала во второй раз, свидетели наши моркинские вдруг ничего не вспомнили, а сверху позвонили и попросили не раздувать. У него в Йошкар-Оле кто-то есть, Сергей Николаевич. Точнее,

у одного мужика из компании его крестный такой, что мне до него как до Москвы пешком.

Витек, сидя на снегу и держась за плечо, засмеялся сквозь зубы.

— Слышал, доктор? — прохрипел он. — Меня и завтра выпустят. И послезавтра. Я тебя кончу.

— Мечтай, — пробормотал Наиль.

Но участковый Гаврилов, все это время писавший протокол, кашлянул и неохотно подтвердил:

— Он прав. Праздники, дежурный следователь один на весь район. Могут до вторника поддержать, а могут и раньше отпустить, если опять сверху позвонят.

Внутри начало закипать, но я не спешил что-то говорить. Выходило, что закон ничего не стоит, а решает чей-то крестный из Йошкар-Олы?

Тут подъехала третья машина, и из нее вышли Прохор Еврафович, Сашка и Элен, которая, не сказав ни слова, обошла всех: посмотрела на разбитое лицо Наиля, плачущую Венеру, на мой распоротый рукав и сидящих у «Нивы» мужиков. Потом попросила Гаврилова повторить то, что он говорил про звонки сверху, и молча выслушала.

— Понятно, — уронила она и отошла на три шага в сторону, достав телефон.

Говорила она недолго. Я слышал только начало: «Добрый вечер. Это Элен. Да, я. Простите, что в праздники и так поздно, но мне нужна ваша помощь». Дальше она понизила голос

и назвала кого-то по имени-отчеству, а я не разобрал.

Перед тем как задержанных увезли, я осмотрел всех пятерых. Как бы их ни ненавидел, я был прежде всего врачом.

У Хорька обнаружился перелом ключицы, и я зафиксировал ему руку косынкой из чьего-то шарфа. У здорового в куртке локоть распухал на глазах, и я велел ему держать руку поднятой и не разгибать. У матерого зэчары нога работала, но плохо, а сам он смотрел на меня с ужасом, решив, что ходить больше никогда не сможет. Успокаивать его тем, что нерв цел и через неделю все пройдет, я не стал. Пятого с монтировкой осмотрел последним, он был почти в порядке.

Витьку я решил ничего не вправлять. У него был вывих плеча, а без снимка я формально не мог исключить перелом, поэтому вправлять следовало в больнице, после рентгена и обезболивания.

— Виктор Романович, — обратился я к нему, — слушай меня внимательно, потом повторить будет некому. У тебя вывих плечевого сустава, а возможно, и перелом, тут без снимка не разберешь. Терпи до города и не давай никому дергать за руку, иначе останешься таким на всю жизнь. И еще. Скажу прямо, печень у тебя в таком состоянии, что до пятидесяти ты не дотянешь, если продолжишь в том же духе.

— Ты меня еще лечить будешь, с-сука, — гнусаво просипел он.

— Уже лечу, — сказал я и обратился к Гаврилову. — Николай, запишите для протокола, что Колесников осмотрен на

месте, ему оказана первая помощь, от предложенной госпитализации не отказывался.

Витек промолчал.

— И последнее, — медленно проговорил я, глядя на него.
— Рощу вы жгли?

Он посмотрел на меня и не понял. Не сделал вид, а именно не понял: эмпатический модуль показал недоумение, ничем не прикрытое, и раздражение человека, которого спрашивают о ерунде.

— Какую рощу? — спросил он. — Ты вообще о чем, мужик?

Вскоре на дороге стало людно. Приехали две машины, но не из моркинского отдела, а из республиканского управления, и вышедшие из них люди Гаврилову и Стасу не представлялись, а сразу забрали протоколы. Ножи, монтировку и «Ниву» без номеров описали при свидетелях, задержанных погрузили.

Когда Витек начал возмущаться, один из приехавших коротко посоветовал не рыпаться, чтобы случайно не выпасть на трассе из машины прямо под колеса встречной фуры. Тот же серьезный седовласый мужчина галантно поцеловал Элен руку и о чем-то с ней куртуазно поворковал.

Так этих бандитов всех и увезли, причем оказалось, что матерый зэчара был в розыске, так что мне еще и благодарность полагалась.

— Элен, — спросил я, когда все разъехались, — а кто это

был?

— Хороший человек, — с таинственным видом улыбнулась она, поправляя шарф. — Я же говорила вам, Сергей Николаевич, что у меня в Марий Эл много знакомых.

Наиль, не отнимая платка от носа, пробубнил:

— Генерал это был сто пудов. Эмвэдэшный, скорее всего. Элен на это ничего не ответила.

В санаторий мы вернулись в одиннадцатом часу. К Райке я пошел не сразу. Сперва ополоснул руки, смыл с лица кровь, переоделся в чистое и только после этого спустился в тридцать шестой кабинет. Вечернее дежурство по графику было мое, а Самарцев сидел с ней с обеда и вторую дозу «Вазорелаксина» давал уже один.

Николай Борисович встретил меня в коридоре, посмотрел на губу и разорванный рукав пуховика, но ничего спрашивать не стал, все и так были в курсе. Просто убедился, что все в порядке.

— Как там Раиса? — спросил я.

— Нормально, — ответил он. — Дозу подняли, как договаривались. Давление держится, пульс восемьдесят два, тошноты нет, спала два часа днем. Один раз воды просила.

— Синдром отмены?

— Был, часов в шесть. Сорок минут ее колотило, но отпустило. Потом Райка вязала, а Александра Ивановна с ней беседовала.

Райка сидела на кушетке под настольной лампой с вязани-

ем на коленях и клубком под боком и подняла на меня глаза, когда я вошел.

По тому, как смотрела, я понял, что она знает. Сложив спицы, Райка встала.

— Это он, да? — спросила она. — Витька?

— Он, — подтвердил я. — Сядьте, Раиса Васильевна.

— Из-за меня это все, — выговорила она и села, губы ее тряслись. — Я же знала, что он вышел. Мне тетка Тамара говорила. А я вам не сказала, потому что испугалась, что он за мной придет, а я... а я пойду за ним.

Взяв стул, я поставил его напротив Райки и сел.

— Он вас искал?

— Приходил вчера ночью, — призналась она. — Стоял и звал, но я не вышла. Я, Сергей Николаевич, к батарее себя привязала и не вышла.

Тут она заплакала, но потом вытерла лицо ладонью и спросила про самое главное:

— Его посадят?

— Не знаю, — ответил я честно. — Сегодня его увезли по-настоящему, не как раньше. Дальше решает следствие. Но вот что я вам скажу твердо. Сегодня ночью он под окнами стоять не будет, потому что им теперь занялись другие люди. Да и дело посерьезнее, чем в прошлый раз.

— Он же там про меня чего-то говорил, наверное, — сказала она, глядя в пол. — Что я такая-сякая.

— Он говорил, что я у него вас забрал, — пересказал я.

— И Борьку. Но это ерунда. Это он забрал вас у Борьки. А теперь вы вернулись к сыну, Раиса Васильевна.

— Ну да... я тут третий носок вяжу, — сообщила она. — Борьке. У него теплых носков всего одна пара, а тетя Нина говорит, что если пятку вот так довязать, то до весны хватит.

На столе, прислоненный к стакану, стоял тот самый рисунок: три фигурки и подпись. Я его тут и оставил, когда уходил утром на завтрак.

Потом я пошел к своим.

Родители сидели в холле у телевизора. Вера Андреевна гладила Валеру, развалившегося у нее на коленях. Они ждали меня, потому что тетя Нина уже успела всем все рассказать в таких красках, в каких умеет только она. Там фигурировали духи леса, дикие волки, два десятка эков с ножами и пистолетами и храбрый Сережа Епиходов. Только инопланетян не хватало.

Мать Сереги, увидев мою губу, охнула так, что Валера прыгнул с кресла и убежал.

— Сереженька! — вскочила она и схватила меня за лицо обеими руками. — Господи, кровь! Тебя убить хотели, да? Убить хотели, я знаю! Коля, ты это видишь?!

— Мам, ничего страшного, — успокоил я ее. — Губа рассечена, пустяки. Да там забулдыги какие-то были, они сами еле на ногах стояли.

— Пустяки! — еще больше расстроилась Вера Андреевна. — Он мне говорит пустяки, Коля! Сиди, Сережа, не дер-

гайся!

Она усадила меня на диван, принесла откуда-то пузырек с зеленкой и вату и стала мазать мне губу. Я не сопротивлялся, потому что зеленка на рассеченной губе — вещь, конечно, бесполезная, но Серегиной матери в этот момент она была нужна больше, чем мне лечение.

Отец сел рядом.

— Ты, Сережа, не думай, что я не понимаю, — начал он. — Вижу, какое ты дело поднимаешь... Но... Переживаем мы с матерью, понимаешь?

— Из-за чего?

— Не надорвешься? Взвалил столько на себя...

— Батя, о чем ты? — искренне не понял я. — Про санаторий, что ли? Так я тут не один, вы же видите, сколько людей мне помогают.

— Помогают-то помогают, вот только... — Николай Семенович замялся, глянул на мать, и та поддержала, затараторила:

— Ну что ты, Сережа, все сам да сам? Елисей, золотко, нам уже рассказал, что ты один там дрался за всех! И ты во всем сейчас так, обо всех думаешь, переживаешь, не бережешься ради них, а как же ты? А случись сегодня что, это что же, как нам жить дальше? — запричитала она.

— Угомонись, Вера! — одернул ее отец Сереги. — Радуйся, что в конце концов мужика воспитали. Но ты, Сергей, тоже должен думать! Вот скажи мне, как рука твоя?

Пожав плечами, я ответил:

— Кисть потянул, — ответил я. — К утру пройдет.

— Вот! Кисть! А хирург, Сережа, — это руки. Ты понимаешь, что такое руки? Помню, в больнице у нас Гурий Львович был, хирург, царствие небесное... Вот у него были руки. И я тогда думал, что жаль, мне бог такого не дал. А потом ты вырос, и мне бог дал такие руки через тебя. Понимаешь, Сережа? А ты драться... Так ты этими руками не дерись, ты ими работай, а драться пускай другие идут.

— Я и не дрался, — возразил я. — Защищался.

— Защищался... Ты, Сережа, гляди, чтобы у тебя не вышло, как у Гурия Львовича, потому что он всех спасал, сутками на ногах, по первому зову срывался в больницу, а сам умер в пятьдесят четыре в пустой квартире, и хоронили его только мы с завхозом.

— Коля! — ахнула мать.

— А что Коля? Я по делу говорю. Это правда! Пора, Сережа, и о себе подумать, и о семье. А то вокруг тебя столько девушек замечательных, а ты их все отпугиваешь...

И тут они на пару с матерью начали перебирать варианты от Дианы с Танюхой до Евы с Венерой, и все у них были и умницы, и красавицы, и замечательные, в чем я не сомневался, потому что перед ними девчонки наверняка на цыпочках ходили, как же, родители самого Епиходова! Но я не перечил, поддакивал, и в общем мы очень тепло пообщались, а потом продолжили, когда пошли пить чай.

Так что спать я ушел только ближе к полуночи.

А в половине первого ко мне постучал Япар.

— Мужики просили передать, Сергей Николаевич... — начал он, сняв шапку. — Ты вечером спрашивал, чего мне понятно. Так вот. Духи не к тебе выходили.

— А к кому?

— К тем, кто рощу жег. Дядя Филипп сказал, что пока обидчика не найдут, будут выходить. Хоть к кому... Витек рощу не жег. Мы проверили, где он в ту ночь был, с корешами в Йошкар-Оле.

— Знаю, — кивнул я. — Спрашивал его.

— Значит, жег другой, — заключил Япар. — И он тут, рядом где-то ходит. Среди нас. Так что ты дверь-то запирай теперь. И в лес один не ходи.

Глава 8

После бессонной ночи у горевшей рощи и вчерашнего дня, насыщенного событиями и драками, я вырубился и проспал как убитый до позднего утра, потому что никто не осмелился меня разбудить.

Утром сходил проведать Райку, но она спала, а Система никаких тревожных табличек не выдавала. В общем, день обещал быть хорошим.

После я пробежался вокруг санатория до священной рощи и самой ее границы. Заходить на территорию, ясное дело, не стал. Гарью оттуда больше не тянуло, а вот вдали слышался глухой стук топора.

Сначала я решил было, что рубят деревья, но вышедший навстречу Сарман объяснил, что одно дерево покосилось и они делают ему подпорку. Ну что ж, хорошо, пусть трудятся. Я кивнул и вернулся обратно в санаторий, где ждал вкусный завтрак, приготовленный тетей Ниной и Аленой Петровной, а потом снова заглянул к Раисе проверить, как она себя чувствует.

На мой вопрос о самочувствии Райка улыбнулась и ответила, что все хорошо. И действительно, завтрак она съела с отменным аппетитом и даже робко спросила, нельзя ли ей немного добавки. Добавку мы, посоветовавшись с Самарцевым и Александрой Ивановной, решили дать, но ограничи-

лись на всякий случай легеньким творожком. Однако Райка и этому была рада, лопала только так, аж за ушами трещало.

Затем она попросила позвонить Полине Фроловой: когда Геннадий повезет сюда Тайру Терентьевну, пусть заодно передадут ее конспекты по санитарному делу. Она же ходила на учебу, и скоро у нее зачет.

— Чем просто сидеть, паять на стенку, трястись и думать о том, чем все закончится, лучше буду готовиться к зачету, — решительно сказала она и этим очень меня порадовала. Потому что мозг ее не перешел в пограничное состояние, как случилось с нашими тремя вазорелаксиновыми «братьями-акробатами».

Мы пообещали это сделать, и я тут же, при Райке, чтобы не забыть, отправил сообщение Фроловой. Пришел ответ, что с Тайрой Терентьевной все будет передано. Полина спросила, не нужно ли чего еще, но, в принципе, у Райки все было. Я пожелал ей хорошего дня и понаблюдал, как сменившая Самарцева Александра Ивановна, которую мы уже не боялись оставлять с Райкой, объясняет ей правила перевязки при повреждении ключицы. Ну что ж, им было чем заняться: Александре Ивановне явно нравилось выступать в роли учителя, а Райка сидела и старательно все запоминала. Так что я с чувством выполненного долга вышел из комнаты.

И, надо же было такому случиться, наткнулся на небезызвестную троицу: Коляна, Ерофея и Федьку. По нашему всеобщему вердикту, они уже излечились и могли бы идти до-

мой, но мы решили оставить мужиков еще на пару дней, чтобы понаблюдать, а то мало ли что. И вот сегодня этот срок подошел к концу, так что можно было отправлять их на выход.

Колян и Федька подошли и рассыпались в благодарностях за то, что мы не дали им загнуться и не стали открывать на них дело. Мы обменялись номерами телефонов.

— Если будет плохо — звоните, — сказал напоследок я и вздохнул с облегчением.

Они ушли. Ерофей же стоял в стороне и ждал, когда закончится наш разговор. Видимо, перед этим он с мужиками поговорил, потому что те не стали его дожидаться.

— Слушаю, Ерофей Васильевич, — сказал я. — Что-то случилось? У тебя какие-то проблемы? Может, чувствуешь себя плохо?

Я запустил диагностику, но Система ничего подозрительного не обнаружила. Однако бывший сосед замаялся и нерешительно поднял на меня умоляющий взгляд.

— Сергей Николаевич, — всплеснул он руками, чуть не плача. — Дорогой ты мой, родненький, спаси меня, пожалуйста, умоляю! Знаю, что я, скотина такая, влез, порошок твой украл, еще и сожрал его вдобавок! И ты из-за меня мог и в тюрьму сесть, и все что угодно... Но я-то знаю, что ты добрый и что всегда всем помогаешь, всех прощаешь...

О как! Такая репутация меня изрядно позабавила, неужели обо мне даже подобные люди так думают? «Всех проща-

ешь...» Нет, с такой формулировкой я бы не согласился.

Но, с другой стороны, было чертовски приятно, что даже такие, как Ерофей, так считают.

— Что случилось? — повторил я. — Объясни по-человечески.

— Да ты понимаешь, я тут, после того как пришел в себя, человеком себя почувствовал, — смущенно сказал Ерофей, и уши его запылали. — Япар меня с Федькой и с Коляном на работу периодически берет. Мы помогаем ему дрова колоть и дорожки от снега чистить, в кочегарке насос ремонтировали. Я ведь хороший механик. Но ты понимаешь... сейчас я что, обратно туда вернуться?

— Так это же хорошо, — сказал я. — Когда человек себя так ощущает — это очень хорошо.

— Но ты понимаешь, я сейчас домой приду, а там эта зараза!

— Это ты о жене, что ли?

— Ну да, Любка, зараза! Она же сейчас бухать как начнет, и я с ней тоже, а меня от водки совсем воротит. Вообще от всего, даже от пива. Мы попробовали, нам Япар дал понюхать пиво, так мы чуть не блеванули, особенно Колян с Федькой. И я не знаю, что делать. Прошу тебя, Николаич! Или накорми мою бабищу этим порошком, или же оставь меня жить в санатории. Я здесь тебе пригожусь, все буду делать, ремонтировать могу и так, на подхвате, мне и зарплату платить не надо, только корми хотя бы раз в день. Я только

домой не хочу, к жабе этой!

Ничего себе, вот это мужика прижало, подумал я, а вслух сказал:

— Слушай, Ерофей. Я могу сделать и то и другое. Но чтобы накормить твою супругу порошком, мне необходимо получить лицензию, то есть сначала этот препарат, в смысле «порошок», нужно запатентовать. А это процесс небыстрый, займет минимум год, если не больше. И только после того, как комиссия его одобрит, я смогу поставить лечение от алкоголизма на поток. До этого времени у меня руки связаны. Просто не имею права.

— Ну да, связаны! — возмутился Ерофей. — Райку-то вон лечишь.

О как, подумал я, слухи уже обошли весь санаторий.

— Понимаешь, Райка — это другое дело, как бы это сказать... У нее ситуация...

— У меня тоже ситуация! — негодуяще перебил он. — У меня сейчас супруга бухает, и как я буду жить с алкашкой этой? Мне или разводиться, или уходить. И я не знаю, что делать.

— Понимаешь, Райка мне уже как родная, потому что я работал в Чукше, и Борька... — начал было объяснять я, но Ерофей гневно воскликнул:

— Да знаю я все! И про спасение Борьки, и все остальное.

— Но...

— Но если Райка твоя почти родственница, то я тебе то-

же не чужой! Даже еще больше! Ведь мы же соседи по дому Анатолия, где ты жил. А бывших соседей не бывает, — яростно сказал Ерофей. — Поэтому я тебя прошу как родного! Помоги!

— В общем, так, — принял я мгновенное решение, как всегда умел в критических ситуациях. — Сделаем таким образом. Сейчас возвращайся домой, поздравь супругу с праздниками, поменяй одежду, постирайся, побрейся, сходи в парикмахерскую, ну, все дела. Пить-то тебя кто заставляет?

— Да вроде никто... — почесал он голову.

— Ну вот. А жене говори, что еще не очень хорошо себя чувствуешь. Не пей. И ей не давай, даже если она захочет. Если не можешь удержать — уйди в другую комнату. А потом с ней поговори. Только нормально, на трезвую голову. Если она готова будет приступить к лечению, то ей нужно поступить как Райка. Ведь Райка, чтобы лечение прошло нормально и не получилось как у вас — вы же порошка бухими нажрались, — больше месяца вообще ничего не пила, понимаешь? А я риск с пьющим человеком, тем более с женщиной, на себя не возьму. Вы вон мужики, и то сам видел, что с вами было. Еле-еле получилось вытащить за уши. Что будет с женщиной, которая столько лет пьет, даже боюсь предположить. Поэтому еще раз: добьешься от супруги согласия хотя бы месяц не пить — ладно, по-соседски приводи. Я как раз вернусь из Москвы, и посмотрим, что можно сделать.

— А если нет? — тревожно спросил Ерофей.

— Ну, тогда приходи в санаторий, прямо к Япару, пусть берет тебя в свою бригаду. Он говорил, что места у него есть, так что, думаю, с этим вопросов тоже не возникнет.

— Спасибо! Спасибо тебе, добрый ты человек, Николаич! Наш доктор! — Ерофей обеими лапами пожал мне руку и заторопился прочь, пока я не передумал. А я в задумчивости пошел обсудить все это с Терновским.

Но на полдороги у меня зазвонил телефон. Глянув на имя на экране, я выругался, это был Лысоткин.

— Сергей, ты где ходишь?! — заорал он сразу мне в ухо. — Я тебя что, по всей Москве должен разыскивать?

Немного ошалев от такого напора, я отодвинул телефон подальше от уха и осторожно сказал:

— И вас с Новым годом, Казимир Сигизмундович! Что-то случилось? Вы же говорили, чтобы я приехал после праздников, числа десятого-одиннадцатого?

— Ты с ума сошел? Какие праздники?! — взревел он, и я отодвинул трубку еще дальше. — Ты где там ошиваешься? Ты диссертацию писать думаешь или только праздники празднуешь? Ничего не знаю, чтобы завтра же с утра был у меня! Слышал меня, Епиходов? Жду!

И бросил трубку.

Озадаченно почесав затылок, я пошел искать Терновского, но уже не из-за Ерофея.

Борька, когда я пересказал наш разговор с Лысоткиным, нахмурился и хмыкнул:

— Ну, куда деваться, надо ехать. В бутылку лучше не лезть, что-то у них с Михайленко, видимо, ускорилося, раз Лысоткин так рано вернулся из отпуска. Встречайся, будем выяснять, что именно.

Из-за этих резко сменившихся планов день прошел в суете, хотелось все дела переделать. Я пытался быть в двух-трех местах одновременно, но все равно не успевал.

— Да угомонись уже ты! — не выдержав, одернул меня Терновский. — Взрослые все люди, сами разберутся. А не разберутся — то грош всему этому цена. Ты же не можешь везде быть как в бочке затычка. Лучше собирайся, нам скоро выезжать.

Я вздохнул, но спорить не стал: так-то Борька был прав, пора нам выдвигаться в Москву. Праздники еще не закончились, но Лысоткин по какой-то причине уже вернулся раньше времени с Мальдив.

А самому Терновскому скоро нужно ехать в Сербию.

Но оставалась еще одна вещь, которую нельзя было откладывать. Капитолина Леопольдовна ждала моего ответа на свое предложение работать с ней. И при всех соблазнах согласиться я не мог. Пока не мог. Поэтому так ей и сказал, сославшись на то, что не могу бросить санаторий, да и аспирантура ждет.

— Тогда жду, когда вы разгрузитесь, Сергей Николаевич, — сказала она. — Позвоните мне.

На том и порешили.

И вот все собрались в холле санатория.

Мы уже были готовы к выходу, сумки погружены в машины, осталось лишь попрощаться. Уезжали большой группой, несколькими машинами, но в разные стороны.

Мы с Терновским и Марусей — в Москву. Наиль вез Се-региных родителей, Николая Семеновича и Веру Андреевну, а также Танюху со Степкой в Казань.

Все остальные оставались. Элен тоже решила задержаться, Алиса и вся компания инвесторов уехали еще пару дней назад, так что, по сути, здесь оставались лишь свои. Что интересно, Альберт Каримович, с моего позволения, тоже решил задержаться, причем явно надолго. А поскольку нужных для долгой жизни вещей с собой он не взял, библиофил отдал Танюхе ключ со списком и наказом: зайти к нему на квартиру, найти все по перечню и передать через Наиля.

Юрист же через пару дней должен был вернуться. А в Казани его ждал нотариус для оформления документов.

И вот мы все собрались. Вера Андреевна по своему обыкновению даже чуточку всплакнула, все обнимались, прощались. Здесь же была Полина Фролова со всеми своими четырьмя детьми, они о чем-то шептались с Танюхой. Степка стоял рядышком с Андрюшкой и слегка зареванным Борькой, и они втроем солидно, по-мужски молчали, правда, периодически шмыгали носами. Но даже среди самых суровых мужиков случается всякое. Пришли Генка с Клавдией и Ана-

толий с Оксаной. Тайра Терентьевна стояла в уголке и только печально вздыхала.

Тетя Нина с Аленой Петровной торопливо совали отъезжавшим пакеты с пирожками в дорогу — ибо нечего там, в придорожных забегаловках, всякую ерунду покупать, как они сказали, — и термосы с чаем.

И вот когда все уже по третьему кругу наобнимались, я вышел в середину холла.

— Ну что ж, дорогие мои! — сказал я, дождавшись тишины. — Спасибо вам за то, что приехали! За то, что здесь собрались. Тем, кто хочет остаться работать, спасибо, что откликнулись на мой призыв. Думаю, что мы с вами хорошо провели время, новогодние праздники всем понравились и вы немного оздоровились, подышали целебным воздухом, попили минеральной водички. И что еще сюда не раз приедете. Санаторий находится рядом с Казанью, да и от Москвы не так далеко, поэтому в любое время добро пожаловать. И так как вы все мои друзья, не надо звонить заранее и предупреждать. Приезжайте в любое время, уж что-что, а место мы вам всегда найдем. В крайнем случае поселим во флигеле.

При этих словах все тихо заулыбались.

— Я уезжаю в Москву. Так сложилась ситуация, что есть еще одна большая проблема, которая касается, как вы все, наверное, слышали, наследия покойного академика Сергея Николаевича Епиходова, моего тезки, в чью научную школу

мне посчастливилось попасть. И с чьей семьей я сроднился.

Я посмотрел на Марусю с Терновским, потом на Сашку, возле которого стояла Ева — хоть и на дистанции, но тем не менее. И мое сердце окутало тепло. Как хорошо, что все мои в сборе. Жаль, конечно, Беллы нет. Ну что же тут поделаешь, меня ведь, по сути, тоже нет.

Я улыбнулся и продолжил:

— Сколько пробуду в Москве, не знаю. Возможно, за неделю управлюсь, хотя сомневаюсь. Но недели две, а может, и месяц. То есть я очень рассчитываю, что вы здесь начнете сами потихоньку наводить порядки. Основа заложена, ресурсная база есть, есть команда и ответственные по всем организационным вопросам. Что касается медицинской части — к Александре Ивановне и к Николаю Борисовичу. — Я кивнул, они заулыбались и кивнули в ответ. Видно было, что Самарцев расстроен, а у Сашули глаза красные. — Если появятся вопросы юридического характера — есть Наиль. — При этих словах наш законник гордо кивнул и приосанился. — И самое главное — Ева. Мы решили, что она на этот месяц останется в санатории, потому что идет плотная поточная работа. Они с Наилем будут часто работать онлайн: он больше в Казани, а Ева здесь. Поэтому имейте в виду: все, что надо, они порешают. Александр, я рад, что ты присоединился к нашей команде и начал помогать с оборудованием. Надеюсь, что все хотелки нашей неугомонной Александры Ивановны ты выполнишь.

Все засмеялись, и Сашуля тоже смущенно улыбнулась. А я повернулся к соседу:

— Спасибо и вам, Альберт Каримович, за то, что приехали. Теперь я уезжаю со спокойным сердцем, ведь библиотека в надежных руках.

Все опять улыбнулись.

— А вы, Венера Эдуардовна, и ты, Елисей... Хорошо, что вы занялись домом престарелых. Знайте: если будут какие-то проблемы, кроме Наиля и Евы, вы всегда можете обратиться к Япару и его дяде. Ну, через Япара, понятно. Но я думаю, что препятствий вам больше никто чинить не будет. Жаль, конечно, что Ласкин уехал так внезапно, не получилось вытянуть его в дом престарелых. Но он вернется через неделю — так сказали, — и я думаю, что вопросы с ним будут решены.

— Будут, — кивнул Наиль, мол, не переживай, все под контролем, главу районной администрации подключу.

Я благодарно улыбнулся и повернулся к коллеге:

— Венера Эдуардовна, очень надеюсь, что вы не оставите амбулаторию в Чукше. Райка уже вполне хорошо себя чувствует, еще пару дней за ней понаблюдают, и пора переводить ее в Чукшу. Она может часто туда-сюда ездить, и вы будете с ней меняться. Вы уже решили с Елисеем, где будете жить?

— Решили, — сказала Венера. — Дело в том, что дом в Чукше тоже бросать нельзя, его же надо протапливать, сами

понимаете. Поэтому какие-то дни мы будем жить там, а какие-то здесь, в санатории.

— Замечательно, — обрадовался я. — То есть вы, по сути, теперь на три фронта: дом престарелых, санаторий и амбулатория. Правильно?

Ребята согласно закивали.

— Да, большую ношу вы на себя взвалили, но уверен, что справитесь, — похвалил их я и повернулся к Сашуле. — Александра Ивановна, вы обдумали идею вернуться главврачом в моркинскую райбольницу? Нам там свой человек ох как нужен.

Сашуля застенчиво улыбнулась и сказала:

— Сергей Николаевич, я еще думаю. Предложение очень хорошее, но мне в санатории так хорошо и так нравится, что я бы здесь и осталась. Тем более, если вы уедете, кому-то нужно будет руководить лечебным процессом.

— Ну, время у вас еще есть, — сказал я. — Поэтому думайте. Вы же, Полина Илларионовна, продолжайте поддерживать Райку с Борькой. Спасибо, что уже и так помогли, но пока сына ей не отдадут: сами понимаете, еще и шести месяцев не прошло, она полностью не восстановилась. А вот когда она начнет работать в амбулатории... Наиль, ты поможешь оформить все документы, чтобы потом вернуть ей Бориса? Но только при условии, что она не сорвется.

Райка меня провожать не вышла, потому что еще находилась под наблюдением, но чувствовала она себя хорошо.

Когда час назад я к ней заглянул, она пожелала мне хорошей дороги и попросила разрешения написать мне письмо — рассказать о своих успехах или неудачах. Я разрешил и оставил ей свою электронную почту. Так что, надеюсь, у нее все тоже будет хорошо и вскоре она меня порадует.

— И еще. Тетя Нина, я надеюсь, на свадьбу с Чепайкиным меня пригласить не забудете?

Все засмеялись, а тетя Нина очень серьезно сказала:

— Хотели пожениться зимой, но как же я в такую холодину в фате буду? Уши замерзнут!

Все грохнули от смеха, а она, усмехнувшись, добавила:

— Да нет, на весну мы решили, Джимми. У Арсюнечки родичи как раз приедут сюда на Пасху, вот мы все это дело заодно и замутим, а то как же оно без семьи?

Здесь я был согласен. Затем с благодарностью кивнул Япару и его парням и повернулся к своей старинной подруге еще по той, прошлой, жизни:

— Спасибо вам, Алена Петровна, что дали ключи от своей квартиры и мне будет где переночевать, хотя я мог и в гостинице.

— Да что ты, что ты, Сережа! — заполошно замахала руками она. — Даже разговора быть не может. Живи сколько надо. Эти гостиницы такие дорогие, а у меня квартира пустая стоит. И давай, чтобы у тебя все получилось, я на тебя рассчитываю. И не забудь съездить ко мне на дачу, адрес не потеряй, и забрать шахматы.

— Хорошо, — пообещал я. — Постараюсь вырваться.

— Я помню, где эта дача, — задумчиво сказала Маруся.

— Мы в детстве туда часто с отцом и дядей Вадимом ездили.

Если хочешь, можем съездить вдвоем.

— Чего это вдвоем? — фыркнул Терновский. — Все вместе и съездим, мне тоже интересно посмотреть.

— Хорошо, — улыбнулась Алена Петровна. — Хоть все приезжайте.

Я распрощался со всеми, кивнул каждому, обнял и сказал:

— Ну все, по коням!

И мы пошли к выходу.

А те, кто оставался, дружно зааплодировали нам вслед.

Кажется, эти новогодние праздники мне запомнятся на всю жизнь. Давно я не ощущал себя таким... живым.

Интерлюдия 1. Сергей Ачиков

Сергей Кузьмич Ачиков скалывал наледь с крыльца, когда со стороны трассы загудели машины. Гудели долго, вразнобой да с веселыми переливами.

Ачиков воткнул скребок в сугроб и чутко прислушался.

— Епиходов в Москву уехал! — крикнула через забор соседка в накинутом на плечи пуховике. — Надолго, говорят! Только что колонной мимо прошли, сигналили друг другу на развилке: кто на Казань, кто на Москву. Всем санаторием, говорят, провожали, с пирожками в дорогу!

Сергей Кузьмич степенно кивнул ей и ушел в дом. А уже в сенях, где никто не видел, позволил себе улыбнуться во весь рот.

Наконец-то уехал! Сбежал, сволочь! Не выдержал, стало быть, потянуло обратно в столицу, к профессорам и телекамерам. Ну и скатертью дорожка. Морки ведь не Москва, тут жить надо, корни пускать, а не гастролировать.

Ачиков поставил чайник, выставил на клеенку вазочку с малиновым вареньем и, прихлебывая душистый чай, стал прикидывать.

Кресло главного врача сейчас пустовало. Спрашивается, и кто теперь в районе его потянет? Бастраков — исполнитель, ему скажи «подпиши», он подпишет, а скажи «отчитайся» — сядет и заплачет. Казанцев только-только вернулся, у него

после травмы все мысли только о том, как бы побыстрее часы отсидеть и домой на диванчик свалить. Тетка его, Александра Ивановна Чемышева, понятно, на пенсии, ей до шестидесяти всего ничего, куда ей больница. Да и, как он слышал, в санатории она прижилась и в больницу возвращаться желанием отнюдь не горит.

Выходит, звать больше некого. Выждут для приличия недельку-другую, помурывают, а потом, конечно, позовут его, Ачикова. Не оставит же район больницу без хозяина.

Праздники кончатся, и все наконец встанет на место. Глава районной администрации, Юрий Дмитриевич Ласкин, говорят, куда-то укатил, но после праздников вернется, а уж он-то понимает, чья это земля и по каким правилам она живет. Иван Константинович в министерстве тоже, пожалуй, отойдет от новогодних салатов. Ничего, что расстались нехорошо. Сколько он ему перевозил за эти годы... Такое небось не забывается.

Чайник засвистел. Ачиков заварил покрепче и додумал самое приятное.

Жизнь у него, если по совести, была трудовая. В родительской семье в поселке под Ижевском было семеро по лавкам, мать с утра до ночи на колхозном поле. Отец... Про отца тетка при каждой ссоре шипела одно и то же — «порода гнилая».

Отца Ачиков, в сущности, и не видел. Тетка забрала его в Морки мальчишкой, и с тех пор он всю жизнь слушал, чем ей

обязан. Куском обязан, углом обязан, институтом тоже. А в институте, между прочим, учился он, а не она. Да, брал академические, так ведь по здоровью. Да, возила она в Ижевск сумки с продуктами да подарками для преподавателей, так ведь тогда все возили, и решали в конце концов не сумки, а усидчивость самого Ачикова. Диплом-то в рамке висит с его фамилией, не с ее.

И до всего остального он, конечно, дошел сам. Ведь кто переподготовку прошел? Он. Кто в кресло сел? Он. Все сам.

Месяц он просидел в этом кресле, и какой месяц! Кабинет отремонтировали, повесили новую табличку: «Главный врач Ачиков С. К.». Красавица Виолетта, его секретарша, подобо-бострастно приносила чай с сушками.

Из Йошкар-Олы приезжало телевидение, и он до сих пор помнил слово в слово, что сказал тогда в камеру: «Сложнейшая операция, проведенная нашим коллективом под моим непосредственным руководством». Про эту операцию потом писали в «Марийской правде» в рубрике «Медицина и здоровье», он потом сто газет в Йошкар-Оле выкупил на память и раздал всем знакомым.

И все вполне ладилось.

А как славно вышло тогда с водой! Коммуникации у больницы и санатория общие, еще со времен единого учредителя, и помнили об этом в районе, наверное, полтора человека. Одно движение руки, один краник, и весь епиходовский санаторий — ха-ха! — остался с пустыми трубами.

Возили потом воду бочками, придурки, позорились. Он представил, как Епиходов и тетка пытались умываться снегом и ходили в грязном исподнем, и развеселился. Здорово он тогда все придумал!

И ведь не подкопаешься, потому что по документам все чижи-пуки — авария и изношенные сети. Юрий Дмитрич Ласкин тогда все правильно понял. Ведь кто такой Епиходов? Чужак. Пришлый варяг. А они тут все свои. Жаль только, что Ротозеев дурака сваял. Впрочем, с ним уже покончено, а вот сам Ачиков еще поборется!

Взяв блокнот, он обстоятельно расписал все по пунктам. Первое, что нужно сделать, — это дожидаться Ивана Константиновича и восстановиться исполняющим обязанности. Ведь кто такой Иван Константинович Темкин? Он сам начальник управления организации медицинской помощи Минздрава Республики Марий Эл, вот кто! Именно Темкин курирует районные больницы, и согласование главврачей без него не происходит вообще! Не дорос Епиходов до такого уровня!

Ну и что, что Ачиков написал заявление по собственному? Так на то оно и по собственному, чтобы отозвать, когда вздумается. Никто его не увольнял, он ушел сам, гордо. Стало быть, сам и вернется. И тоже гордо.

Потом нужно возобновить с Ласкиным понимание насчет санатория. Раз хозяин укатил в Москву, самое время проверить тамошнюю лицензию и пожарную безопасность. И во-

ду, кстати, тоже. Антисанитария там ого-го! Ведь кто там на кухне работает? Какие-то две бабки без специального образования! То-то! Еще и медосмотр небось не прошли. А это уже статья.

Третье, и тоже очень важное, то, что с теткой нужно побыстрее поговорить по-родственному. Дом ей одной, в сущности, и не нужен, а завещание, спрашивается, на кого написано? То-то же. Так зачем тянуть?

Подумав, он крикнул и дописал еще кое-что. Обязательно нужно того рыжего санитара, который кричал тогда в коридоре про свободу от Ачикова, уволить в связи с сокращением штатов. Первым же приказом.

А, и самое вкусное чуть не забыл. Интервью. Когда Ачиков вернется, непременно нужно дать развернутое интервью. Он даже заголовок уже придумал: «Я возвращаюсь, потому что районному здравоохранению нужен настоящий хозяин». Он подчеркнул «хозяин» двумя линиями и полюбовался страницей. Красивый все-таки у него почерк, не то что у Епиходова.

Ближе к вечеру он не утерпел и набрал министерство — не приемную, конечно, а заветный номер. «Абонент временно недоступен». Второй звонок сбросили. На третий Иван Константинович ответил сам.

— Значит так, Ачиков, — сухо сказал он, не поздоровавшись. — Вы мне больше не звоните. После вашего фокуса с туда-сюда комиссией меня самого на ковер вызывали. Мой

номер забудьте.

Ошеломленный Ачиков посидел с телефоном в руке, успокаивая себя и пытаясь унять бьющееся сердце. Ну, ничего страшного, перепугался человек, бывает. Начальство рядом, вот и жметесь. Ничего, отойдет. Отходил же раньше.

Лихорадочно поразмышляв, он позвонил в больницу, напрямую Виолетте, фигуристой и такой манящей секретарше. Если бы не чертов Епиходов, она бы уже давно стала его!

— Виолетточка, здравствуй, — проворковал он. — Как у вас там?

— Ой, Сергей Кузьмич... — прошептала она и затараторила: — Вы только сюда не приходите, ладно? Александру Ивановну, говорят, обратно зовут. Главным врачом. Всерьез зовут, и это не слухи.

В трубке рядом с ней кто-то засмеялся, и она заспешила еще сильнее.

— А про меня что говорят? — успел спросить он.

— Про вас-то?.. — замялась Виолетта. — Да ничего не говорят, Сергей Кузьмич. Не вспоминают даже.

Слышать такое было обиднее любой ругани. Он-то помнил, как провожали его тридцать первого. Аплодисментами, всем коллективом, так, сволочи, радовались. Подобное за неделю не забывают. Так что врет деваха. Боятся его, значит, помнят.

На этом он успокоился. Одевшись, пошел к Ротозееву.

Пятидесятилетний Валентин Захарович обнаружил-

ся во дворе собственного дома, среди узлов и коробок. У калитки стояла «газель» с открытым бортом, водитель курил в сторонке. Багровый от натуги Ротозеев сам таскал коробки к воротам.

— Валентин Захарыч! — Сергей Кузьмич раскинул руки еще от калитки. — Ты что же это, всерьез собрался? Да кто они такие, чтобы тебя из собственного дома, где ты родился, выселять? Где, спрашивается, такой закон?

Ротозеев поставил коробку на снег и разогнулся, зыркнул на Ачикова с такой ненавистью, что тот вздрогнул.

— Про закон ты мне не рассказывай, Кузьмич, — проговорил он, вытирая лоб рукавом. — Мне про закон уже все объяснили. Бумаги мои лежат у ихнего юриста, и там, Кузьмич, твоя фамилия на каждой странице, понял? Я тебя покрывать не стал! Не ссы, ничего не прибавил, но и убавлять не собираюсь, понял? Что было, то и написал.

— Ты... — Внезапно у Ачикова взмокли ладони. — Ты же друг мне, Валентин Захарович!

— Друг, — согласился Ротозеев и поднял коробку. — Был, пока ты, падла, меня под монастырь не подвел. Потому и говорю по-дружески: и ты вали отсюда, пока тихо. Не с теми людьми ты бодаться решил, дурачок. Тебя Епиходов раздавит — не заметит! Ты для него комар, понял? Он тут за два месяца уже со всеми чуть ли не в десны лобзается, его казанские олигархи поддерживают и ижевская братва, ты против них не потянешь, дурилка картонная.

Задвинув коробку в кузов, он хлопнул бортом и больше даже не обернулся.

Совсем отчаявшись, Ачиков решился идти на поклон к тетке. Другого выхода он не видел.

К санаторию подъехал уже затемно, на попутке. По дороге готовил примирительную речь. Тетя Саша, свои же люди, кровь не водица... Ну, погорячились, ну, наговорили лишнего. Кто старое помянет... А замолвить словечко ей теперь, конечно, ничего не стоит, ее вон слушают.

У ворот его остановил сторож и долго выяснял по телефону, ждут ли такого. Такого не ждали, но Александра Ивановича вышла сама. Стояла она прямо и смотрела на него безо всякого страха, а такого он не видел от нее уже лет десять.

— Ну? — сухо спросила она.

— Теть Саша... — Ачиков изобразил самую теплую улыбку. — Я же с миром. Свои ведь люди, чего нам делить? Ты теперь в почете, тебя слушают... Замолви за меня словечко, а? Мне бы только вернуться, а дальше я сам. Ты же знаешь, я умею.

— Умеешь, — неприязненно сказала она. — Что ты умеешь, я уже насмотрелась! Прикрывала тебя, дура старая, и людям в глаза врала. Все, Сережа. Никому я про тебя ничего не скажу, ни плохого, ни хорошего. Заслужи сам, если сумеешь.

— Я же... Да если бы не я!.. — задохнулся он, не находя слов, потому что Сашуля была его последней надеждой.

— И вот еще что, — перебила она. — Дом освободи к весне. Я к нотариусу на днях поеду, завещание перепишу. Поживи до тепла, зимой гнать не стану, а к весне съезжай, пожалуйста.

— На кого?! — крикнул он. — На кого перепишешь? У тебя же нет никого!

— Уже есть, — ответила она и, повернувшись, пошла к корпусу.

Обратной дороги он не запомнил. Опомнился уже на своем, то есть, выходит, на теткинском крыльце. Ладони были мокрые, лицо горело пятнами, и он чувствовал их даже на морозе.

В доме свет зажигать не стал. Посидел в темной кухне, сжимая и разжимая кулаки. Кричать хотелось так, что сводило челюсти, а сорваться было не на кого. Раньше стоило ему повисить голос, и тетка замирала, а подчиненные опускали взгляд. Теперь хоть оборись, в доме пусто. Даже тараканам было на него плевать.

И ведь он никого не трогал. Сидел на месте, честно тянул лямку. Если что и брал, то положенное. Так нет же, явился этот казанский хлыщ на все готовое и в месяц-два оттягал у него и больницу, и коллектив, и воспитавшую его родную тетку, а теперь, выходит, и дом.

Ужинать совсем не хотелось. Он зажег лампу над столом и вытащил из ящика пачку бумаги. Первый лист пришлось выбросить, потому что рука еще дрожала и «т» в слове «тер-

риториальный» вышло криво.

Он размял пальцы, подышал на них и начал заново, четкими печатными буквами.

«В Территориальный орган Росздравнадзора по Республике Марий Эл.

От Ачикова Сергея Кузьмича, бывшего главного врача Моркинской ЦРБ.

Заявление

Довожу до вашего сведения, что на территории Моркинского района, в так называемом санатории „Лесная сказка“, осуществляется незаконная медицинская деятельность...»

Дальше дело пошло. Он припомнил и отсутствие лицензии, и опыты с непроверенными порошками на стариках и спившихся гражданах, и еще много чего. Отчеты за него всю жизнь сочиняли другие, а вот подобные бумаги он всегда писал сам — и делал это с превеликим удовольствием.

Закончив, Ачиков перечитал все от начала до конца и подписался. Листы он сложил втрое и заклеил конверт. Потом разгладил его ладонью, упиваясь мечтой о том, как накажет их всех. Всех поголовно!

Тем временем Епиходов катил себе где-нибудь под Чебоксарами и знать не знал ни про какой конверт с заявлением Ачикова Сергея Кузьмича. Ну и пусть катит. Москва большая, а почта в Морках открывается в восемь утра.

Сергей Кузьмич допил остывший чай и масляно улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.